

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

Кафедра «Уголовное право и процесс»

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей

Студент

А.Н. Гасанлы

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

П.А. Кабанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель программы

Допустить к защите

Заместитель ректора – директор института права
к.ю.н., доцент С.И. Вершинина

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей	8
1.1. Ретроспективный анализ законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей.....	8
1.2. Ответственность за незаконное заключение под стражу или содержанием под стражей по зарубежному уголовному законодательству.....	18
Глава 2. Спорные вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей.....	42
2.1. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от объективных признаков	42
2.2. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от субъективных признаков	67
Заключение	88
Список использованной литературы	92

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы Конституцией РФ провозглашается верховенство таких человеческих ценностей как права и свободы личности. Обязанность государства и основа конституционного строя государства заключается в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011г. №3-ФЗ «О полиции»¹ (далее – Закон о полиции) полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства.

Судебная защита права каждого на свободу и личную неприкосновенность гарантирована ст. 22 Конституции РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права. Заключение под стражу – наиболее строгая, ограничивающая свободу личности мера пресечения, которая применяется только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и допускается исключительно по судебному решению (ст.108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001г. №174-ФЗ² (далее – УПК РФ)).

Таким образом общественная опасность незаконного заключения, заключения под стражу и содержания под стражу заключается в том, что данное деяние посягает на гарантированные Конституцией РФ и рядом международно-правовых актов, права человека на личную неприкосновенность и свободу, которые обеспечивают нормальное существование и жизнедеятельность личности. При этом общественная опасность данного посягательства усиливается за счет такого, что оно может быть совершено только специальными субъектами – сотрудниками правоохранительных органов и судьями. Тем самым подрываются основополагающие принципы уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики и вера граждан в

---

¹ Собрание законодательства РФ. – 2011. - №7. - Ст. 900.

² Собрание законодательства РФ. – 2001. - №52 (ч. I). - Ст. 4921.

справедливое правосудие и силу закона. Совершение преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов и суда всегда вызывает обостренную реакцию населения, поскольку речь идет о представителях государства, наделенных властными полномочиями. В следствии этого совершение подобного рода деяний, даже несмотря на то, что в общей статистике преступности их число не велико, значительно подрывает престиж и авторитет государственности власти в целом, и исполнительной, а также судебной власти в частности.

Степень разработанности темы исследования. Исследование преступлений, связанных с заведомо незаконным задержанием, заключением и содержанием под стражей как одного из элементов института преступлений против правосудия на сегодняшний день исследовано в отечественной доктрине достаточно фрагментарно. В основном анализируются отдельные признаки состава данного преступления. При этом в наибольшей степени акцентируется внимание на субъекте данного преступления, в частности, в трудах таких ученых, как: В.Винокуров, Н.Д. Дурманов, С.В. Алексеева, А.В. Корнеева, Р.А. Сабитов и другие.

Объектом исследования выступают правовые отношения, которые складываются при заведомо незаконном задержании, заключении и содержании под стражей и определения места данного преступления в системе уголовного права.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые акты национального уровня и зарубежные нормативно-правовые акты, определяющие вопросы уголовной ответственности за незаконное задержание, заключение и содержании под стражей.

Цель исследования является комплексный уголовно-правой анализ признаков заведомо незаконного задержания, заключения и содержания под стражей и выявление наиболее значимых и спорных вопросов, возникающих при квалификации данного преступления.

Достижение поставленных целей обусловило постановку и решение следующих задач:

-провести ретроспективный анализ законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей;

-провести сравнительно-правой анализ положений зарубежного уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за незаконное заключение под стражу или содержанием под стражей;

-выявить проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от объективных признаков;

-выявить проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от субъективных признаков.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволявший исследовать явление во взаимосвязи и развитии. Также применялись всеобщие методы: анализ, дедукция, синтез, структурно-функциональный метод и метод системного анализа. К частнонаучным методам применяемых в рамках данного исследования следует отнести: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой метод.

Нормативно-правовую основу исследования составило действующее уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за заведомо незаконное задержание, заключение и содержание под стражу.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых по вопросам касающихся отдельных аспектов ответственности за заведомо незаконное задержание, заключение и содержание под стражу: И.А. Гааг К.А. Волков, М.Э. Жаркой, В.Л. Кудрявцев, Л.И. Лавдаренко, А.М. Северский, Х.Д. Хачароев и другие.

Научная новизна исследования определяется теми цели и задачами, которые были поставлены, а также выражается в авторском подходе к освещению темы. Вопросы уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 301 УК РФ, в настоящей работе рассматриваются как комплексное уголовно-правовое явление.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследовано, что в результате анализа процесса становления уголовного законодательства об ответственности за заведомо незаконное задержание, заключение и содержание под стражу, мы пришли к выводу, что первый нормативно-правовой акт, в котором устанавливалась уголовная ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Ответственность за незаконное задержание и заключение была установлена и в уголовном законодательстве советского периода. При этом, как в УК РСФСР 1922 г., так и в УК РСФСР 1926 г. отдельно не выделялись преступления против правосудия как по УК РФ. Соответственно, незаконное задержание и заключение под стражу являлись разновидностью должностных преступлений. Кроме того, криминообразующим признаком преступления, связанного с заключением под стражу, являлся определенный мотив - «личных или корыстных видов», что существенно сузило круг посягательств, связанных с незаконным заключением под стражу в качестве меры пресечения.

Положения УК РСФСР 1960г. в части ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу значительно отличались от положений УК РСФСР 1922г. и 1926г.

2. Проанализировано, что в уголовном законодательстве большинства стран ближнего зарубежья закреплены аналогичные или во многом схожие со ст. 301 УК РФ нормы.

Так, ст. 371 УК Украины именуется «Заведомо незаконные задержание, привод, арест или содержание под стражей». Данная норма предусматривает более широкий перечень общественно опасных деяний, связанных с нарушениями уголовно-процессуального характера, приводящими к нарушению права гражданина на физическую свободы. Представляется, что расширение ответственности за незаконное задержание и незаконное заключение и содержание под стражей за счет привода вполне оправданно.

На основании вышеизложенного предлагаем ч. 1 ст. 301 УК РФ дополнить указанием на привод.

3. Установлено, что законодательные способы закрепления уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья существенно отличаются от отечественного законодательства.

4. Определено, что обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, является «незаконность», то есть выполнение тех действий, которые прописаны в диспозиции ст. 301 УК РФ, в противоречии с требованиями закона.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, должен быть наделен правом на задержание в уголовно-процессуальном порядке.

Субъектом заведомо незаконного заключения под стражу может быть только судья, принявший данное решение.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Выводы и рекомендации, которые были сформулированы настоящей работе, составили теоретическую основу проведения дальнейших исследований вопросов уголовной ответственности за совершения преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут успешно применяться в учебной деятельности при преподавании дисциплины «Уголовное право-3», а также спецкурса «Преступления против государственной власти и управления».

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Уголовное право и процесс».

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, две главы, включающих в себя четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПОД СТРАЖУ ИЛИ СОДЕРЖАНИЕМ ПОД СТРАЖЕЙ

1.1. Ретроспективный анализ законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным заключением под стражу или содержанием под стражей

Исторический экскурс по отечественному уголовному законодательству, устанавливающему ответственность за деяния, связанные с неправомерным лишением человека свободы путем заключения под стражу необходимо начать с XVI столетия. Именно в этот период начинают формироваться уголовно-правовые нормы, направленные на регламентацию ответственности за рассматриваемые общественно опасные деяния. Естественно за четыреста лет данные нормы подверглись существенным изменениям. В частности, по мнению В.И. Субботиной, исследовавшей процесс развития законодательства, которое устанавливало ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу и содержание под стражей, первые упоминания о данных преступлениях содержались в Судебнике 1550г.³ Так, согласно положениям ст. 70 Судебника 1550 г. незаконными считались арест и наложение оков на людей, нуждавшихся в поручительстве, если данные действия осуществлялись людьми наместника или волостеля, которые должны передать таких людей городовым приказчикам, дворскому, старосте и целовальникам (в городе); старосте и целовальникам (в волости), которые участвуют в суде у наместников и волостелей.

М.Ф. Владимирский-Буданов указывает на то, что сущность поручительства выражается в том, что закованное лицо испытывает унижения, отражающиеся и на роде его, особенно, если у такого лица возникло

---

³ Субботина В.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей : дисс. ... канд. юр. наук. - М., 2002. – С.15.

предположение о том, что его родичи не желали ему помочь. Однако родичи могли и не знать о том, что требуется поручительство. В этом случае родичи, своевременно не выручившие родственника, могли заявить претензию потом.

В случае, если потерпевший был закован, люди наместника или волостеля должны были оплатить бесчестье данного человека, в зависимости от его положения в обществе. Кроме того, при предъявлении потерпевшим иска за незаконное задержание сумма исковых требований в двойном размере взыскивалась с людей наместника или волостеля⁴.

Таким образом данная норма упорядочивала наместнический суд посредством контроля со стороны выборного управления за действиями наместников и волостей при производстве ими арестов и дачи на поруки местных жителей. Соответственно, преступность деяния здесь зависела не от отсутствия оснований заключения под стражу, а от нарушения процедуры применения такой меры пресечения как заключение под стражу.

Следующие после Судебника 1550г. источники права XVI-первой половины XVIIвв. не устанавливали ответственность и наказание за рассматриваемое деяние. Речь идет о таких источниках российского права как Соборное Уложение 1649г., Артикул Воинский Петра I, Устав Благочиния 1782г.

Однако нужно отметить, что в сенатском докладе от 31 июля 1766г. и в Наказе Екатерины II были затронуты вопросы уголовной ответственности за незаконное применение процессуальных мер принуждения, имевших отношение к лишению свободы. Теоретические положения указанного доклада, в части противоправности и недопустимости незаконного ареста, затем нашли отражение в сенатском Указе от 23 апреля 1801г.⁵

Первый нормативно-правовой акт, в котором устанавливалась уголовная ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения,

---

⁴ Владимирский-Буданов М. Ф.. Обзор истории русского права, изд. 6-е. СПб. — Киев, 1909. - С. 13.

⁵ Дадаев Х. М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей : дисс. ... канд. юр. наук. - Грозный, 2007.- С.37.

связанных с лишением свободы, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Так, в частности, в ст. 477 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. (далее – Уложение о наказаниях) говорилось о том, что произвольное содержание кого-либо под стражей «не в месте, для сего назначенном, и без особых к тому важных причин виновный в том, смотря по тем побуждениям, коим он следовал при сем отступлении от правил, а равно и по большему или меньшему неудобству места, произвольно им избранного для содержания арестованного, и по состоянию, званию, летам и полу сего лица» подвергается: «1) вычету от шести месяцев до одного года и в времени службы; 2) отрешению от должности; 3) или исключению из службы.

Кроме того, Уложение о наказаниях включало главу 1 «О неисполнении указов, предписаний и законных по службе требований», содержащую ряд статей, которые устанавливали ответственность за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей уполномоченными на то лицами, а, соответственно, и за незаконное заключение под стражу или содержание под стражей. К примеру, ст. 358 Уложение о наказаниях

Так, ст. 358 Уложение о наказаниях гласила: «неприведение в исполнение объявляемых в установленном порядке высочайших указов и повелений по легкомыслию и недостатку внимания к столь важной обязанности службы. Виновное в том должностное лицо, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, отрешается от должности или же вовсе исключается из службы».

Далее в данной статье говорилось, что лицо, не исполнившее высочайший указ или повеление из корыстных или иных низменных побуждений, подвергалось лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы, в крепости на срок от десяти до двенадцати лет.

В следующей статье - 359 Уложения о наказаниях предусматривалась ответственность за неприведение в исполнение указов Правительствующего сената. Преступным такое деяние становилось в том случае, когда должностные лица, получив подтвердительные указы, не представляли в установленный срок

объяснительных донесений о причинах неисполнения. В таких случаях данные должностные лица, в зависимости от отягчающих или смягчающих обстоятельств, подвергались отстранению от должности или увольнению со службы.

Отдельные вопросы ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу содержались также в главе 2 Уложения о наказаниях, именованной «О превышении власти и противозаконном оной бездействии». В частности, подобные нормы были закреплены в статьях 367, 370 Уложения о наказаниях. Так, в ст. 367 Уложения о наказаниях содержалось определение превышения должностных полномочий. Оно заключалось в том, что чиновник или иное должностное лицо «выступали из пределов и круга действий, которые им были предписаны по званию, должности, месту или особенному поручению. При этом учиняли что-либо в отмену или же вопреки существующих законов, учреждений, уставов или данных им наставлений. Либо вопреки установленному порядку предписывали или принимали такую меру, которая могла быть принята только на основе нового закона. А также присваивали себе право, которое им не принадлежит и при этом самовольно решали какое-либо дело. Кроме того, дозволяли себе какое-либо действие или распоряжение, требующее разрешение вышестоящего начальства, но не испросив оно надлежащим образом».

Ст. 370 Уложения о наказаниях закрепляла ответственность для виновных в превышении или противозаконном бездействии власти. В зависимости от «важности дела и сопровождавшим оное обстоятельствам» данные лица подлежали отрешению от должности или исключению из службы или же заключению в крепости на срок от одного года до двух лет. В случаях, представляющих «особенную важность» рассматриваемые лица подлежали лишению всех «особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томску или Тобольску, с заключением на время от одного года до двух лет».

Особое внимание следует обратить на положения ст. 377 Уложения о наказаниях. В данной норме была непосредственно установлена

ответственность за незаконное заключение под стражу. При этом речь шла о двух ситуациях.

В первой случаи лицо действительно признавалась виновным в совершении деяния, требующего взятие под стражу, но при этом применение данной меры осуществлялось с нарушение установленной процедуры. Мера наказания в данном случае опять же зависела от наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств. Соответственно виновному должностному лицу назначалось наказание в виде строгого замечания или к строгого выговора с внесением в послужной список. Альтернативным наказанием в данном случае являлся вычет от шести месяцев до одного года из времени службы.

Во-второй ситуации речь шла об ответственности за заключение лица под стражу при отсутствии законных оснований либо о применении данной меры пресечения лицом, не имеющим на то право по закону или особого разрешения. За противозаконное задержание и заключение под стражу виновное лицо приговаривалось к высшей мере наказания. При заключении под стражу невиновного лица, осужденный к высшей мере подвергался взысканию бесчестья в пользу потерпевшего или к прощению у него прощения.

В 1885г. рассмотренное выше Уложение о наказания было принято в новой редакции. Его анализ свидетельствует о том, что новая редакция Уложения о наказаниях стало более полно отражать систему норм, которые охраняли установленный в то время порядок уголовно-процессуального лишения свободы.

Законность уголовно-процессуального порядка лишения свободы была гарантирована целым рядом статей, которые, как и по Уложению о наказаниях 1845г., располагались в нескольких главах. Все эти составы преступлений условно можно подразделить на три группы:

1. Преступления, которые предусматривали ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы;
2. Преступления, которые предусматривали ответственность за нарушение процедуры законного уголовно-процессуального лишения свободы;

3. Преступления, которые предусматривали ответственность за незаконное лишение свободы вообще.

К первой группе относилась ч. 2 ст. 348 Уложения о наказаниях 1885г. В данной норме была предусмотрена ответственность за заключение под стражу при отсутствии оснований или за применение данной меры пресечения (наказания) лицом, не имеющим на то право. Располагалась данная норма в главе II «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» раздела V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

Вторую группу образовывала ч. 1 ст. 348 Уложения о наказаниях 1885г., которая предусматривала ответственность за заключение под стражу при наличии законных оснований, но при нарушении требований процедурного характера.

К третьей группе следовало отнести ст. 430 Уложения о наказаниях 1885г. В данной норме речь шла об ответственности полицейских чинов за необъявление подозреваемому лицу причин задержания. Располагалась данная норма в отделении I «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде» главы XI «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» раздела V.⁶

В последнем дореволюционном законодательном акте - Уголовном уложении 1903г. законодатель попытался отказаться от выделения специальных норм, которые регламентировали ответственность за незаконное задержание и арест. Что касается уголовного законодательства, принятого после 1917 года, то в части ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу здесь необходимо отметить следующее:

В Уголовных кодексах РСФСР 1922г.⁷ (далее – УК РСФСР 1922г.) и 1926г.⁸ (далее – УК РСФСР 1926г.) ответственность за рассматриваемое

---

⁶ Дадаев Х. М. Указ. соч. С.37-38.

⁷ СУ РСФСР. – 1922. - №15. - Ст. 15.

⁸ СУ РСФСР. – 1926. - №80. - Ст. 600.

преступление была закреплена в главе 2 «Должностные (служебные) преступления. При этом, наряду с ответственностью за факты незаконного задержания и заключения под стражу, в одной норме были сосредоточены и иные посягательства, которые по действующему УК РФ выделены в самостоятельные составы преступлений.

В частности, в ч. 1 ст. 112 УК РСФСР 1922г. речь шла о незаконном задержании, незаконном приводе, принуждении к даче показаний во время допроса посредством применения незаконных мер со стороны следователей или дознавателей. За перечисленные общественно опасные деяния назначалось наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года со строгой изоляцией.

Ответственность за заключение под стражу была закреплена в ч. 2 ст. 112 УК РСФСР 1922г., то есть являлась квалифицированным составом преступления, что, соответственно, уже влекло более строгое наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет и даже высшую меру наказания, то есть смертную казнь в виде расстрела (ст. 33 УК РСФСР 1922г.), при наличии отягчающих вину обстоятельств.

При этом в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 112 УК РФ, выступал специальный мотив – «личный или корыстный», а признак «незаконности» применительно к заключению под стражу не указывался. Видимо, по логике законодателя, наличие специального мотива в данном случае было достаточно для отнесения заключения под стражу к незаконному.

Элемент «заведомости», свойственный действующей конструкции ч. 1 ст. 301 УК РФ, в ст. 112 УК РСФСР 1922г., прописан не был. Однако, в целом сравнивая структуру ст. 112 УК РСФСР со ст. 301 УК РФ, необходимо отметить, что они имеют единое построение, то есть ответственность за незаконное задержание сосредоточена в основном составе, а за незаконное заключение под стражу – в квалифицированном.

Что касается размера наказания, то санкция ч. 1 ст. 301 УК РФ более строгая в сравнении с положениями ч. 1 ст. 112 УК РСФСР 1922г. Здесь

наказания в виде лишения свободы установлено на срок до двух лет, то есть в два раза строже.

Что же касается ч. 2 ст. 301 УК РФ, то санкция здесь в целом мягче, поскольку не предусматривает наказания в виде смертной казни, хотя срок лишения свободы опять же выше – до четырех лет (против трех лет по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР 1922г).

Постановлением ВЦИК от 10.07.1923г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР⁹» размер наказания по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР 1922г. был смягчен. В соответствии с данным нормативно-правовым актом заключение под стражу из личных, либо корыстных видов влекло наказание в виде лишения свободы на срок до одного года со строгой изоляцией, а также наказание дисциплинарного характера, увольнение с должности. Кроме того, на осужденного могла быть возложена обязанность по возмещению причиненного преступлением ущерба или по заглаживанию нанесенного вреда.

В УК РСФСР 1926г. ответственность за рассматриваемое посягательство была закреплена в ст. 115. Опять же незаконное задержание и заключение под стражу по УК РСФСР 1926г. являлись разновидностью должностных преступлений. Отличие данной нормы от ст. 115 УК РСФСР 1922г. выразилось в том, что законодатель исключил из основного состава ответственность за принуждение к даче показаний, оставив в ч. 1 только положения об ответственности за незаконное задержание или незаконный привод.

Ответственность же за принуждение к даче показаний была перенесена в квалифицированный состав, то есть ч. 2. Соответственно, здесь же говорилось и об ответственности за заключение под стражу. Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 115 УК РФ, в части заключения под стражу, как и в УК РСФСР 1922г., являлся специальный мотив (личный или корыстный). А указание на незаконный характер заключения под стражу по-прежнему отсутствовало.

---

⁹ СУ РСФСР. - 1923. - №48. - Ст. 479.

Что касается размера наказания, то санкция за незаконное задержание по УК РСФСР 1926г., как и по УК РСФСР 1922г., устанавливалась на уровне до одного года лишения свободы. А вот за заключение под стражу санкция была существенно изменена: во-первых, исключена возможность применения смертной казни; во-вторых, ужесточено наказание в виде лишения свободы до пяти лет, то есть срок увеличен на два года. Таким образом, санкция за незаконное заключение под стражу по УК РСФСР 1926г. была строже, в сравнении с санкцией за аналогичное деяние по ч. 2 ст. 301 УК РФ.

В целом, необходимо отметить, что как в УК РСФСР 1922 г., так и в УК РСФСР 1926 г. отдельно не выделялись преступления против правосудия как, в частности, по УК РФ. Соответственно, незаконное задержание и заключение под стражу, как отмечалось выше, являлись разновидностью должностных преступлений. При этом, как отмечалось выше, криминообразующим признаком преступления, связанного с заключением под стражу, являлся определенный мотив - «личных или корыстных видов», что существенно сузило круг посягательств, связанных с незаконным заключением под стражу в качестве меры пресечения. Соответственно, заключение под стражу по иным мотивам, например политическим, хулиганским, не влекло ответственность по уголовному законодательству, а рассматривалось как дисциплинарный проступок. Кроме того, как нам кажется, круг ответственности был сужен по причине отсутствия в уголовном законе такого самостоятельного элемента объективной стороны рассматриваемого посягательства как «незаконность» содержания под стражей¹⁰.

Анализ материалов судебной практики периода действия УК РСФСР 1922г. и 1926г. свидетельствует о том, что вышестоящие судебные инстанции при разьяснении вопросов, связанных с квалификацией преступлений, связанных с незаконным задержанием и заключением под стражу, указывали на

---

¹⁰ Жаркой М.Э. Судебная реформа и карательная политика советского государства (1938-1941 гг.) // В сборнике: Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции : В 2-х частях. Составители: Калиновский Константин Борисович; Зашляпин Леонид Александрович. - 2016. - С. 77-86.

то, что: «субъектом незаконного задержания могут быть только такие должностные лица, в служебные функции которых входит осуществление лишения свободы в качестве меры пресечения, взыскания и наказания»¹¹. «Статья Уголовного кодекса о незаконном задержании может быть применена только к представителю власти, незаконно использующему право задержания, а не к лицу, которому такое право не представлено¹². Появление таких разъяснений объясняется тем, что ни в ст. 112 УК РСФСР 1922г., ни в ст. 115 УК РСФСР 1926г. УК РСФСР ни указывалось на признаки специального субъекта преступления, в отличие от дореволюционного законодательства, к примеру, проанализированного выше Уложения о наказаниях.

Положения УК РСФСР 1960г.¹³ (далее – УК РСФСР 1960г.) в части ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу значительно отличались от положений УК РСФСР 1922г. и 1926г. Прежде всего, в УК РСФСР 1960г. в отдельную, восьмую главу, впервые были выделены преступления против правосудия. Соответственно, к данному виду преступлений (ст. 178) было отнесено «заведомо незаконный арест или задержание».

Ст. 178 УК РСФСР 1960г. гласила:

«Заведомо незаконный арест –

наказывается лишением свободы на срок до одного года.

Заведомо незаконное задержание –

наказывается исправительными работами на срок до одного года или увольнением от должности».

Таким образом, впервые было включено указание на «заведомость» совершения ареста и задержания, а также на «незаконность» ареста. Кроме того, исключен специальный мотив, применительно к аресту.

---

¹¹ Определение СК ВС СССР по делу П. - СП ВС СССР. 1945. вып. VIII. С. 14. //Уголовный кодекс РФ с постатейными материалами /под ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 1998. – С.826.

¹² Определение УСК ВС СССР по делу П. - СП ВС СССР. 1939. С. 104. //Уголовный кодекс РФ с постатейными материалами /под ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 1998. – С.826.

¹³ Ведомости ВС РСФСР. – 1960. - №40. - Ст. 591.

Принуждение к даче показаний было выделено в отдельную (ст. 179 УК РСФСР 1960г.) норму.

Размер наказания за совершение рассматриваемого посягательства был существенно снижен. В частности, применительно к незаконному задержанию исключен такой вид наказания как лишения свободы. А за незаконный арест наказание в виде лишения свободы установлено на том уровне, который ранее по УК РСФСР 1922г. и УК РСФСР 1926г., был характерен для незаконного задержания.

Таким образом, по своей конструкции ст. 178 УК РСФСР 1960г. фактически соответствовала положениям ст. 301 УК РФ.

1.2. Ответственность за незаконное заключение под стражу или содержанием под стражей по зарубежному уголовному законодательству

Для наиболее полного раскрытия всех аспектов ответственности за незаконное задержание или заключение под стражу считаем целесообразным провести сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного уголовного законодательства.

Начать нужно с уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, которое, естественно, имеет много схожих черт с уголовным законодательством России. Ответственность за незаконное задержание, арест и содержание под стражей закреплена в уголовных законах большинства бывших советских республик¹⁴.

Начать нужно с Уголовного кодекса республики Казахстана¹⁵ (далее – УК Казахстана), в котором ответственность за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей содержится в ст. 346. Данный состав расположен в главе о преступлениях против правосудия.

---

¹⁴ Хачароев Х.Д. Уголовное законодательство зарубежных государств о преступлениях против правосудия // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2013. - №6. - С. 21 - 24.

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан. - Алматы: Юрист, 2009. – С.150.

Структура ст. 346 УК Казахстана аналогична структуре ст. 301 УК РФ, то есть также включает три части. Формулировка всех трех частей ничем не отличается от содержания ст.301 УК РФ. Отличия отсутствуют и в части видов, а также размеров наказаний.

Положения ст. 292 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики¹⁶ (далее – УК Азербайджана) несущественно отличаются от ст. 301 УК РФ и ст. 346 УК Казахстана только санкциями и видовым объектом. Так, глава 15, в которой расположен данный состав, именуется «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний». Соответственно, видовой объект рассматриваемого преступления по УК Азербайджана трактуется более широко, чем по УК РФ и Казахстана.

Что касается наказания, то по ст. 292.1 УК Азербайджана за заведомо незаконное задержание предусмотрено ограничением свободы на срок до трех лет либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Таким образом, в отличие от ст. 301 УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по ст. 292. 1 УК Азербайджана должно всегда назначаться в качестве дополнительного наказания к лишению свободы. Кроме того, отсутствует такой вид наказания как арест, что характерно, как отмечалось выше, и для УК Казахстана.

Размер наказания, назначаемого за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (ст.292.2) по УК Азербайджана более строгий чем по ч.2 ст. 301 УК РФ за счет установления минимального срока в виде лишения свободы – 2 лет (По ч. 2 ст. 301 УК РФ устанавливается только верхний предел лишения свободы).

Отличие также имеет наказание, назначаемое за совершение рассматриваемого преступления при наличии квалифицирующего признака

---

¹⁶ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики /Под ред. и с предисл. И.М. Рагимова; Пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.137.

«тяжкие последствия». По ст. 292.3 УК Азербайджана санкция в виде лишения свободы более строгая за счет повышенного нижнего предела лишения свободы – четырех лет (против трех – по УК РФ).

По Уголовному кодексу Таджикистана¹⁷ (далее – УК Таджикистана) уголовная ответственность за незаконное задержание или заключение под стражу предусмотрена в ст. 358. Сравнительный анализ данной нормы со ст. 301 УК РФ опять же приводит нас к выводу о полном совпадении структурного построения нормы и незначительных различиях в санкциях. В частности, как и по ст. 301 УК РФ за заведомо незаконное задержание по ч. 1 ст. 358 предусмотрен такой вид наказания как арест (данный вид наказания не характерен для УК Казахстана и УК Азербайджана). При этом нижний предел данного вида наказания ниже чем по УК РФ – три месяца (против четырех – по ч. 1 ст. 301 УК РФ). Мягче и размер дополнительного к лишению свободы наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По ч. 1 ст. 301 УК РФ максимальный предел – три года, а по ч. 1 ст. 358 УК Таджикистана – два года.

По ч. 2 ст. 358 УК Таджикистана за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей установлено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. По ч. 2 ст. 301 УК РФ дополнительное наказание не предусмотрено, а максимальный срок лишения свободы опять же выше – четыре года.

За наступление тяжких последствий в результате заведомо незаконного задержания и заведомо незаконного заключения под стражу или содержания под стражей по ч. 3 ст. 358 УК Таджикистана предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Соответственно, в отличии от ч. 3 ст. 301 УК РФ, опять же

---

¹⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан /Предисл. А.В. Федорова. - СПб: Юридический центр Пресс, 2001. – С.123.

устанавливается дополнительное наказание, а нижний предел лишения свободы ниже.

Существенно мягче наказания за заведомо незаконное задержание по ч. 1 ст. 324 Уголовного кодекса Кыргызской Республики¹⁸ (далее – УК Кыргызстана). Совершение данного преступления по УК Кыргызстана влечет наказание в виде штрафа в размере до пятидесяти минимальных месячных заработных плат либо лишением свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. По ч. 1 ст. 301 УК РФ штраф вообще не предусмотрен.

Заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей по ч. 2 ст. 324 УК Кыргызстана наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Что же касается квалифицированного состава, то по ч. 3 ст. 324 УК Кыргызстана санкция аналогична ч. 3 ст. 301 УК РФ - лишение свободы на срок от трех до восьми лет.

По мнению А.М. Серикбаева, среди проанализированных выше уголовных законов стран ближнего зарубежья наиболее выигрышно смотрится УК Азербайджана в части санкций за заведомо незаконное задержание и заключение под стражу, поскольку, как считает автор, санкции различных частей одной статьи УК Азербайджана (ст.292), между которыми исключена «вилка», способствует тому, что законодатель провел четкую дифференциацию ответственности и наказания, учитывая характер и степень общественной опасности конкретно совершенного вида незаконно осуществляемого уголовно-процессуального лишения свободы¹⁹.

Существеннее от УК РФ отличаются положения уголовного законодательства Прибалтики.

---

¹⁸ Уголовный кодекс Кыргызской Республики /Предисл. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.- С.211.

¹⁹ Серикбаев А.М. Наказуемость уголовно-процессуального лишения свободы в уголовном праве зарубежных стран // Вестник КРСУ. - 2007. - Том 7. - №10. – С.130.

Так, по Уголовному кодексу Латвийской Республики²⁰ (далее – УК Латвии) ответственность за заведомо незаконное задержание и заключение под стражу закреплена в двух самостоятельных нормах. В ст. 292 УК Латвии говорится о заведомо незаконном заключении под стражу, влекущее наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. А в ст. 293 УК Латвии предусмотрена ответственность за заведомо незаконные задержание или привод, совершенные в корыстных целях или из мести, или иных личных интересов, совершенные судьей или лицом, производящим досудебное расследование, что наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом до двадцати минимальных месячных заработных плат. Соответственно, можно увидеть, что законодатель Латвии указывает на специальный мотив применительно к незаконному задержанию, что было характерно для Уложения о наказаниях, но в части незаконного заключения под стражу. При этом указывается на специальные признаки субъекта преступления.

По Уголовному кодексу Эстонии²¹ (далее – УК Эстонии) нет дифференциации ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу. Ст. 170 УК Эстонии расположена в главе 9 «Преступления против правосудия». Она гласит: «заведомо незаконное заключение под стражу, арест, задержание или привод - наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

Такая формулировка свидетельствует о том, что эстонский законодатель не считает данное деяние достаточно общественно опасным.

По подобному же пути пошел белорусский законодатель. Так, в ч. 1 ст. 397 Уголовного кодекса республики Беларусь²² (далее – УК Беларусь) установлена ответственность за заведомо незаконные задержание или заключение под стражу либо содержание под стражей, которое наказывается

---

²⁰ Уголовный кодекс Латвийской Республики / Под ред. и с вступ. статьей А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; Пер. с латыш. А.И. Лукашова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.233.

²¹ Уголовный кодекс Эстонской республики / пер. с эст. В.В. Запелова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.188.

²² Уголовный кодекс Республики Беларусь /предисл. Б.В. Волженкина; Обзорн. статья А.В. Баркова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. - С. 187.

лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок. Соответственно, санкция за совершения рассматриваемого преступления гораздо «мягче» по сравнению с УК РФ. Во-первых, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью установлено в качестве основного наказания. Кроме того, предусмотрено наказание в виде исправительных работ. При этом наказание в виде ареста является более репрессивной мерой уголовно-процессуального принуждения, нежели задержание подозреваемого.

Вместе с тем, необходимо отметить, что по УК Беларуси, в отличие от стран Прибалтики, предусмотрено отягчающее обстоятельство в виде тяжкий последствий, свойственное УК РФ. Данное деяние влечет наказания в виде ограничения свободы на срок от двух до пяти лет или лишение свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Ст. 371 Уголовного кодекса Украины²³ (далее – УК Украины) именуется «Заведомо незаконные задержание, привод, арест или содержание под стражей». Соответственно, данная норма предусматривает более широкий перечень общественно опасных деяний, связанных с нарушениями уголовно-процессуального характера, приводящими к нарушению права гражданина на физическую свободы. Так, по ч. 1 ст. 371 УК Украины, помимо заведомо незаконного задержания говорится о незаконном приводе, что наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или ограничением свободы на срок до трех лет²⁴.

В ч. 2 ст. 371 УК Украины говорится не только о заведомо незаконном содержании под стражей, но и о заведомо незаконном аресте. Это наказывается

---

²³ Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 г. / Под ред. Н. И. Мельника, Н. И. Хавронюка. Киев, 2002. - С. 371.

²⁴ Северский А.М. Привод как мера обеспечения уголовного производства в УПК Беларуси и УПК Украины // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - №1. С. 172 - 179.

ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на тот же срок. При этом упущением законодателя, как нам представляется, является отсутствие указания на «заведомо незаконное заключение под стражу», поскольку заключение и содержание проводится различными субъектами.

В ч. 3 ст. 371 УК Украины также говорится о тяжких последствиях. Но, помимо этого, предусмотрен специальный мотив – совершение преступления из корыстных побуждений либо в иных личных интересах. Как отмечает А.М. Серикбаев среди мотивов совершения рассматриваемого преступления доминируют побуждения служебного характера. В это связи, по мнению автора, правильность придания отягчающего значения побуждениям личного характера сомнительна²⁵.

По мнению указанного автора, установление в украинском уголовном законодательстве ответственности за незаконный привод и совершение заведомо незаконного задержания, привода или ареста из корыстных побуждений либо в иных личных интересах является положительным моментом. Как пишет указанный автор, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Украины «привод», как и задержание, относится к одной из разновидностей мер процессуального принуждения, которой предусматривается принудительно осуществляемое препровождение подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, свидетелей или потерпевших сотрудниками правоохранительных органов к следователю, прокурору или в суд. При этом, с учетом того, что незаконное задержание является окончательным деянием с момента его совершения, то объективно, с уголовно-правовой точки зрения, «привод» и «незаконное задержание» являются фактически тождественными посягательствами. Что же касается совершения заведомо незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей из корыстной или иной личной заинтересованности, то по мнению А.М.

---

²⁵ Серикбаев А.М. Указ. соч. С.131.

Серикбаева это также значительно повышает общественную опасность совершенного преступления²⁶.

Как нам кажется расширение ответственности за незаконное задержание и незаконное заключение и содержание под стражей за счет привода вполне оправданно. Основания и применение привода прописаны в главе 10: в статьях 131, 132, 140 УПК Украины от 13 апреля 2012 г. В п. 1 ст. 140 УПК Украины привод обозначен как принудительное сопровождение лица, к которому он применяется, лицом, которое выполняет постановление об осуществлении привода, к месту его вызова в указанное в постановлении время.

Согласно ч. 2 ст. 113 УПК РФ привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд, что, собственно, соответствует понятию привода по уголовно-процессуальному законодательству Украины.

В соответствии со ст. ст. 91-92 УПК РФ задержание подозреваемого также заключается в доставлении задержанного в орган дознания или к следователю. Из ст. 11 Федерального закона от 21.07.1997г. №118-ФЗ «О судебных приставах»²⁷ следует, что судебный пристав в рамках обеспечения установленного порядка деятельности судов и осуществления привода, вправе входить на территорию, в помещение в целях задержания и принудительного доставления лица, которое уклоняется от явки по вызову. Кроме того, судебный пристав вправе входить в жилые помещения в случаях, указанных в постановлении суда (судьи); а также проверять документы, удостоверяющие личность, при осуществлении привода лиц, уклоняющихся от явки. В письме Генпрокуратуры РФ от 27.02.2004г. №36-12-2004 «О Методических рекомендациях по организации работы прокуратуры по надзору за исполнением законодательства об административных правонарушениях»²⁸ говорится о недопущении случаев унижения человеческого достоинства граждан при задержании, приводе, доставлении и личном досмотре

---

²⁶ Там же. С.131.

²⁷ Собрание законодательства РФ. – 1997. - №30. - Ст. 3590.

²⁸ <http://www.consultant.ru/>

(противоправное применение физического воздействия при отсутствии каких-либо оснований, грубость и т.п.).

Из приведенных положений уголовно-процессуального законодательства и разъяснений Генпрокуратуры РФ следует, что фактически законодатель и правоприменитель поставили задержание и привод на одну планку в части характера воздействия, которое осуществляется в отношении задерживаемого лица и лица, подвергаемого приводу.

На основании вышеизложенного предлагаем ч. 1 ст. 301 УК РФ дополнить указанием на привод.

Что же касается специального мотива в виде корысти или иной личной заинтересованности, то закрепление его в качестве обязательного признака субъективной стороны рассматриваемого деяния, о чем говорилось выше при анализе уголовного законодательства советского периода, значительно сузит основания привлечения к уголовной ответственности по данной норме. Так, к примеру, в случае заключения под стражу из хулиганских побуждений или по мотиву совершение подобного деяния нельзя будет считать преступным.

Анализ вышеперечисленных уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что диспозиции данных статей носят простой характер, то есть не раскрывают признаки незаконности задержания и заключения под стражу. Исключением является ч.1 ст.234 Уголовному кодексу Республики Узбекистан²⁹ (далее – УК Узбекистана), где раскрываются признаки заведомо незаконного задержания – это «краткосрочное ограничение свободы лица дознавателем, следователем или прокурором при отсутствии законных оснований». Такая формулировка, по мнению А.М. Серикбаева, с которым необходимо согласиться, решает много спорных вопросов. В частности, из данной нормы точно видно, что под её действие подпадают только случаи незаконного уголовно-процессуального задержания, то есть административное задержание исключается³⁰. Кроме того, указываются на специальные признаки

---

²⁹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан /Вступ. статья М.Х. Рустамбаева, А.С.Якубова, З.Х. Гулямова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.191.

³⁰ Серикбаев А.М. Указ. соч. С.131.

субъекта преступления. В российском праве данный вопрос решается за счет разъяснений в судебной практики, на что указывалось ранее. Однако, указанный автор, критикует формулировку «отсутствие законных оснований», считая ее избыточной в связи с тем, что термин «незаконность» сам по себе свидетельствует об отсутствии законных оснований.

Что же касается ответственности за заведомо незаконное заключение или заключение под стражу, то по УК Узбекистана об этом говорится в ч. 2 ст.234. При этом, диспозиция здесь уже простая. По УК Узбекистана не предусмотрены квалифицированные виды незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей.

Все вышеперечисленные уголовные кодексы стран ближнего зарубежья в качестве обязательного признака составов незаконного задержания и заключения под стражу содержат указание на «заведомость». Определенной спецификой в этом плане обладает Уголовный кодекс Грузии³¹ (далее – УК Грузии). Во-первых, статья о незаконном задержании или заключении под стражу по УК Грузии размещена в главе «Преступления против прав и свобод человека» раздела 7 «Преступления против человека». Ст. 147 УК Грузии при этом соседствует с нормами, в которых установлена ответственность за незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу, захват заложника, умышленное привлечение невинного лица к уголовной ответственности. Такое расположение рассматриваемого посягательства в системе Особенной части УК говорит о том, что грузинский законодатель на первое место ставит защиту физической свободы личности, а не интересы государства. Как будет отмечено ниже, такое размещение рассматриваемого состава характерно для некоторых уголовных законов стран дальнего зарубежья.

Во-вторых, в ст. 147 УК Грузии указывается на умышленный характер совершения рассматриваемого преступления, но не на «заведомость».

---

³¹ Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З. К. Бигвава.. Перевод с грузинского И. Мериджанашвили. — СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – С.317.

Общий вывод, который можно сделать из анализа уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, заключается в том, что уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за незаконное задержание и заключение под стражу, значительным разнообразием не отличаются. В большинстве случаев либо имеется практически полное совпадение со ст. 301 УК РФ по конструкции и санкции (УК Казахстана, УК Таджикистана) либо имеются незначительные изменения (УК Азербайджана). Практически все рассмотренные выше нормативно-правовые акты устанавливаются в качестве дополнительного и даже основного (УК Беларусь) наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это связано с тем, что рассматриваемое преступление совершается специальным субъектом, на что указывается в некоторых уголовных кодексах (УК Узбекистана).

Что касается уголовного законодательства восточно-европейских государств, имеющих социалистическое прошлое, то правовая регламентация ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу существенно отличается от российского. Во-первых, в целом преступления против правосудия трактуются в государствах бывшего соц. лагеря как действия частных лиц, которые выражаются в воспрепятствовании осуществлению правосудия (по средством насилия или угроз в отношении судьи и других участников уголовного судопроизводства, а также путем дачи ложных показаний, ложного доноса, сокрытия доказательств невиновности лица, укрывательства, несообщения о преступлении, разглашения данных предварительного расследования) и исполнению судебных решений (путем самовольного освобождения из мест лишения свободы, содействия в побеге, нарушения судебного запрета и неисполнения судебного распоряжения). В этой связи главы о преступлениях против правосудия уголовных законов данных стран зачастую не содержат специальные нормы, которые устанавливают ответственность за незаконное лишение свободы в рамках уголовного судопроизводства. Вместе с тем данное обстоятельство не свидетельствует о том, что подобные общественно опасные деяния вообще не влекут уголовной

ответственности. Как и в УК Грузии, посягательства, связанные с незаконным применением мер процессуального принуждения, выразившееся в лишении свободы, влекут ответственность как преступления против личной свободы или преступления по службе, то есть должностные преступления.

Так, например, в ст.189 Уголовного кодекса Польши³² (далее – УК Польши) предусмотрена ответственность за лишение человека свободы. Данная норма подразделена на два параграфа (две части), то есть основной и квалифицированный составы. Так, в первом параграфе за лишение человека свободы предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет. Во втором параграфе названо два отягчающих обстоятельства, а именно: продолжительность срока лишения свободы на срок более семи дней либо способ лишения свободы – особая жестокость (особые мучения). Наказание здесь предусмотрено в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет.

Таким образом, помимо того, что и расположение и структура данной нормы по УК Польши существенным образом отличается от УК РФ, санкция за совершение данного преступления по УК Польши значительно строже чем по УК РФ.

Интересна регламентация уголовной ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы по Уголовному кодексу Болгарии³³ (далее – УК Болгария). Ст.142а УК Болгарии состоит из пяти параграфов (частей). В первом параграфе (основной состав) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет за противозаконное лишение кого-либо свободы. К числу квалифицированных признаков в §§2-4 ст. 142а УК Болгарии относятся:

Во-первых, совершение преступления специальными субъектами, а именно:

-должностным лицом;

---

³² Уголовный кодекс Республики Польша/ науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.198.

³³ Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А И Лукашов. перевод с болгарского Д В Милушева, А И Лукашова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.201.

-лицом, выполняющим служебные обязанности (представитель общественности; лицо, занимающееся охранной деятельностью, служащий организации, осуществляющей охранную или страховую деятельность; лицо, действующее по поручению или выдающее себя за представителя такой организации; лицо из состава Министерства внутренних дел или представляющееся таковым);

-совершение преступления группой лиц или организованной группой.

Во-вторых, совершение преступления в отношении специального субъекта: беременной женщины или несовершеннолетнего.

В-третьих, совершение преступления определенными способами – мучительным (особая жесткость); опасным для здоровья потерпевшего; лишение свободы длилось более двух суток. В этом контексте положения УК Болгарии схожи с вышеприведенными нормами УК Польши.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики³⁴ (далее – УК КНР) в ст. 238 предусмотрена ответственность за незаконное заключение под арест третьего лица или лишение его свободы иными способами.

В качестве квалифицированных признаков данного состава предусмотрены:

Во-первых, совершение преступления специальным способом – путем избиения и надругательства.

Во-вторых, наступление последствий в виде серьезных травм, а также причинение увечий или смерти человеку посредством насилия.

В-третьих, наличие специальной цели как признака субъективной стороны – востребование долга.

В-четвертых, совершение преступления специальным субъектом - сотрудниками государственных органов, использовавшие для совершения преступления своё должностное положение.

Наказание за совершение указанных общественно опасных деяний варьируется от трех до десяти лет лишения свободы.

---

³⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А. И. Коробеева, пер. с китайского Д. В. Вичикова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.270.

В целом, оценивая положения ст.238 УК КНР необходимо отметить, что уголовный закон данного государства в группе преступлений против физической свободы выделяет специальную норму, которая устанавливает ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы³⁵.

Что касается стран англо-саксонской правовой системы, то уголовное законодательства большинства из них также не выделяют специальной нормы об ответственности за незаконное задержание и незаконное заключение под стражу. В качестве примера можно привести Англию, где анализируемый вид посягательства рассматривается как разновидность нападения и к ответственности привлекаются лица, которые осуществили задержание любого гражданина без его согласия в каком-либо месте или препроводили его куда-либо.

Отсутствует специальная норма об ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу и в уголовном законодательстве отдельных стран континентального права.

В частности, к таким странам относится Швейцария. В восемнадцатом разделе Уголовного кодекса Швейцарии³⁶ (далее – УК Швейцарии), именуемом «Преступные деяния против служебных и профессиональных обязанностей» в ст. 312 предусмотрена ответственность за злоупотребление служебным положением членами выборного органа или чиновниками, то есть должностными лицами. Суть данного преступления выражается в злоупотреблении служебной властью с целью получения для себя или другого незаконной выгоды или причинения другому ущерба. По УК РФ в ст. 285 предусмотрена общая норма об ответственности за злоупотребление должностным положением. Соответственно ст. 301 УК РФ – специальной. Карается злоупотребление служебным положением по ст. 312 УК Швейцарии каторжной тюрьмой на срок до пяти лет или тюремным заключением.

---

³⁵ Волков К.А. Преступления против личной свободы человека в уголовном праве России и Китая // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - №3. - С. 15-17.

³⁶ Уголовный кодекс Швейцарии / перевод с немецкого наук А В Серебренниковой. - СПб Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – С.256.

Аналогичным образом решен вопрос об уголовной ответственности должностных лиц, которые незаконно лишили кого-либо свободы, по Уголовному кодексу Швеции³⁷ (далее – УК Швеции). Норма о злоупотреблении служебным положением в УК Швеции расположена в ст. 1 главы 20. Здесь говорится об ответственности лиц, осуществляющих государственные полномочия. Сущность совершаемого ими преступления заключается в неисполнении своих служебных обязанностей путем действия или бездействия, умышленно или по неосторожности. По УК Швеции такое злоупотребление служебным положением влечет наказание в виде штрафа или тюремного заключения на срок не более двух лет.

Шведский законодатель выделяет в качестве квалифицированного состава ответственность за совершение «тяжкого злоупотребления служебным положением». Речь идет об умышленном тяжком (серьезное злоупотребление служебным положением, нанесение преступлением значительного вреда частному лицу или государственному сектору, получение неправомерной выгоды) преступлении, влекущем наказание в виде тюремного заключения на срок не менее шести месяцев и не более шести лет.

В уголовном кодексе Голландии³⁸ (далее – УК Голландия) также нет специальной ответственности за незаконное задержание или заключение под стражу. Однако в УК Голландии в разделе 28 «Преступления, связанные с злоупотреблением по должности» в ст. 368 устанавливается тюремное заключение на срок не более трех лет или штраф четвертой категории за:

-умышленное несоблюдение публичным служащим, ответственным за расследование уголовных правонарушений, требований доложить о незаконном лишении свободы;

---

³⁷ Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред.: Беляев С.С., Кузнецова Н.Ф. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.299.

³⁸ Уголовный кодекс Голландии /науч. ред. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. – СПб: изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С.417.

-умышленное без промедления несообщение публичным служащим, ответственным за расследование уголовных правонарушений, о незаконном лишении свободы;

-умышленное недонесение без промедления публичным служащим, узнавшим в ходе исполнения своих обязанностей о незаконном лишении лицом свободы, о данном факте публичному служащему, ответственному за расследование уголовных правонарушений.

Если злоупотребление совершено публичным служащим по небрежности или неосторожности, то он приговаривается к заключению на срок не более трех месяцев или штрафу второй категории.

Об отсутствии специальных норм об ответственности за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей в большинстве уголовно-правовых нормах европейских стран и США говорит и М.А Кауфман. Данный автор пишет о том, что в указанных государствах давно сложился правовой механизм, позволяющий привлекать к уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства на основе общих норм, которые предусматривают ответственность за должностное злоупотребление.

Вместе с тем, некоторые европейские государства в уголовном законодательстве предусматривают специальные нормы, связанные с незаконным лишением свободы в уголовно-процессуальной сфере.

В частности, в Уголовном кодексе Дании³⁹ (далее – УК Дании) ответственность за анализируемые нами деяния закреплена в главе 16 «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции». Здесь предусмотрено две самостоятельные уголовно-правовые нормы. Так, в параграфе 147 перечислено несколько общественно опасных деяний, связанных с должностными злоупотреблениями в сфере правосудия («карательная власть государства»), в том числе два из них имеют отношение к незаконному лишению свободы, а именно:

-применение любого незаконного ареста;

---

³⁹ Уголовный кодекс Дании / перевод с датского и английского С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. – СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С.187.

-применение тюремного заключения.

Подобного рода деяния влекут наказание в виде тюремного заключения на любой срок, не превышающий трех лет.

А.М. Серикбаев критикует формулировку параграфа 147 УК Дании, считая ее не совсем приемлемой по причине того, что здесь в одном составе законодатель объединил шесть самостоятельных, различающихся по своим признакам и общественной опасности, деяния. Такое положение, по мнению названного автора, может выступить фактором, который затруднит правильную оценку общественной опасности содеянного и, соответственно, не способствует назначению справедливого наказания⁴⁰.

В другой норме – в параграфе 148 УК Дании говорится об ответственности любого лица, наделенного юрисдикцией или иной государственной властью решать правовые вопросы, или в чьи обязанности входит применение карательной власти государства, которое с умышленной формой вины или при наличии грубой небрежности не соблюдает предусмотренную законом процедуру в отношении ареста или, тюремного заключения. Влекут данного рода действия наказание в виде штрафа или заключения под стражу.

Из указанных положений УК Дании следует, что датский законодатель прямо указал на специальную характеристику субъекта преступления. Субъектами этих посягательств могут являться только «лица, в чьи обязанности входит применение карательной власти государства». Необходимо также отметить, что по УК Дании наказание назначается не только за незаконное применение ареста, но и за нарушение процедуры применения этой меры процессуального принуждения.

В уголовном кодексе Германии⁴¹ (далее – УК Германии) ответственность за анализируемые посягательства предусмотрена в разделе 30 «Наказуемые

---

⁴⁰ Серикбаев А.М. Указ. соч. С.131.

⁴¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии /перевод с немецкого Н. Рачковой. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.433.

деяния на службе» в параграфе 345 «Исполнение приговора в отношении невиновного». Данная норма разделена на три части. В первой установлена ответственность специального субъекта - должностного лица, назначенного для участия в производстве по приведению в исполнение наказания в виде лишения свободы или меры исправления и безопасности, связанной с изоляцией или административным задержанием. Суть совершаемого ими посягательства заключается в исполнении наказания, меры или задержания, которые по закону не подлежат исполнению. Влечет такое деяние наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет, а в менее тяжких случаях – назначение лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет.

В части второй говорится о совершении указанных в части первой действий по легкомыслию, то есть с неосторожной формой вины. Наказывается это лишением свободы до одного года или денежным штрафом.

В части третьей параграфа 345 УК Германии говорится о незаконном исполнении ареста несовершеннолетнего или задержания за нарушение общественного порядка со стороны должностного лица, назначенного для участия в исполнении данных наказаний.

Таким образом наказуемость за рассматриваемое деяние по УК Германии зависит от формы вины. Кроме того, параграф 345 УК Германии закрепляет ответственность должностных лиц, которые исполняют различные виды лишения свободы, а не применяют их без достаточных к тому оснований.

Особое внимание необходимо обратить на Уголовный кодекс Испании⁴² (далее – УК Испании). Здесь наиболее полно и развернуто сформулированы положения об ответственности за рассматриваемые посягательства. По УК Испании уголовная ответственность за осуществление незаконного задержания, заключения под стражей и содержания под стражу закреплена в отделе 1 «О преступлениях, совершенных государственными служащими против личной свободы» главы 5 «О преступлениях, совершенных государственными

---

⁴² Уголовный кодекс Испании /под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова.. - М.: Зерцало, 1998. – С. 163.

служащими против конституционных гарантий». При этом данные посягательства сосредоточены в трех самостоятельных нормах – ст. ст. 530-532.

Так, в ст. 530 УК Испании говорится об ответственности должностного лица или государственного служащего, который, после получения информации о преступлении, назначает, осуществляет или продлевает какую-либо меру лишения свободы лицу, которое задержано, заключено или осуждено, с нарушением сроков или других конституционных или законных гарантий. Влечет подобное деяние назначение наказания в виде лишения права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от четырех до восьми лет.

В ст. 531 УК Испании предусмотрена ответственность должностного лица или государственного служащего, который, после получения информации о преступлении, назначает или продлевает изоляцию задержанного, заключенного или осужденного с нарушением сроков либо конституционных или законных гарантий личности. Влечет данное деяние назначение наказания в виде лишения права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от двух до шести лет.

Таким образом, в ст. 531 УК Испании предусмотрена ответственность за смежное с деянием, указанном в ст. 530 УК Испании, посягательство. Данные нормы различаются только применяемыми мерами процессуального принуждения. В качестве таковой выступает «изоляция» задержанных, заключенных или осужденных. При этом незаконно назначенная или продленная изоляция влечет наказание менее строго по сравнению с незаконно назначенной, осуществляемой или продлеваемой мерой лишения свободы.

При этом, необходимо отметить, что в данных нормах, приведены частные формы незаконности подобных действий: нарушение сроков либо иных гарантий, регламентированных конституцией или иными законами.

Что же касается третьей нормы – ст. 532 УК Испании, то здесь говорится о совершении деяний, перечисленных в ст. ст. 530, 531 УК Испании, с неосторожной формой вины, а конкретно грубой неосторожностью. Это влечет

наказание в виде временного отстранения от должности или государственного поста на срок от шести месячных заработных плат до двух лет.

Таким образом, из приведенных положений УК Испании следует, что по ст. ст. 530-532 УК Испании уголовную ответственность несут только специальные субъекты, а именно: должностные лица или государственные служащие, которые получили информацию о преступлении, но допустившие указанные в ней процессуальные нарушения. Соответственно, если у данных лиц не было информации о совершенном лицом преступлении, то они не могут нести ответственность по указанным статьям. Ответственность в таком случае наступает по ст. 163 или ст. 167 УК Испании. Размещены данные преступления в главе 1 «Незаконное преследование и похищение» раздела 6 «Преступления против свободы личности». Так, в ч. 1 ст. 163 УК Испании говорится об ответственности частного лица, удерживающего другое лицо в заточении, лишаящего его свободы. За такое деяние назначается наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до шести лет.

По ч. 2 ст. 163 УК Испании предусмотрен привилегированный состав в отношении виновных лиц, освободивших удерживаемого в заточении лица в течение первых трех дней. А в ч. 3 ст. 163 УК Испании, наоборот, квалифицированный состав – продолжительность заточения или задержания более пятнадцати дней. Это влечет наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

Что же касается ст. 167 УК Испании, то данная норма дополняет ст. 163 УК Испании. Здесь говорится об ответственности должностного лица, которое вышло за пределы, установленные законом, то есть превысило должностные полномочия. Соответственно, совершение каких-либо деяния, предусмотренных ранее рассмотренными статьями, в частности ст. 163 УК Испании, наказывается ближе к верхнему пределу наказаний, предусмотренному в данных статьях, с абсолютным поражением в правах на срок от восьми до двенадцати лет.

Вышеприведенный анализ норм уголовного законодательства Испании свидетельствует о том, что задержание лица или применение к нему ареста

должностным лицом или государственным служащим, которое получило информацию о преступлении, относится к менее общественно опасному деянию по сравнению с совершением тех же деяний в случае отсутствия информации о совершенном преступлении. Так, к примеру, первое деяние влечет наказание в виде лишения права занимать соответствующие должности или государственный пост от четырех до восьми лет. Второе же деяние наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с абсолютным поражением в правах на срок от восьми до двенадцати лет.

Еще одним ярким примером установления специальной уголовной ответственности за рассматриваемое посягательство является Уголовный кодекс Франции⁴³ (далее – УК Франции). Здесь закреплено три нормы – ст. ст. 432-4, 432-5, 432-6 в Отделе «О злоупотреблениях властью, совершенных против частных лиц» в параграфе 1 «О посягательствах на индивидуальную свободу».

Так, в ст. 432-4. говорится о совершении деяния лицом, которое обладая публичной властью или выполняя обязанности по государственной службе, действует при осуществлении или в связи с осуществлением своих полномочий или обязанностей. При этом общественная опасность их действий выражается в даче предписания или в совершении какого-либо самоуправного действия, которое посягает на индивидуальную свободу. Влечет данное преступление наказание в виде семи лет тюремного заключения и штрафа.

В качестве квалифицированного состава здесь указано посягательство, заключающееся в задержании или удержании, продолжительность которого превышает семь дней. Это уже наказывается тридцатью годами уголовного заключения и штрафом.

Ст. 432-5 УК Франции, как и предыдущая норма, закрепляет ответственность за деяние, которое совершается каким-либо лицом, наделенным публичной властью или выполняющим обязанности по

---

⁴³ Уголовный кодекс Франции /перевод с французского Н.Е. Крыловой. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. –С.510.

государственной службе. Совершение преступления по данной статье выражается в том, что названное лицо, получив сведения в рамках осуществления или в связи с осуществлением своих полномочий или обязанностей о каком-либо факте незаконного лишения свободы, умышленно уклоняется от его пресечения, если это в его власти, либо, уклоняется от выполнения действий, которые направлены на вмешательство компетентных органов власти. Соответственно, рассматриваемая норма предусматривает ответственность за совершение преступления в форме бездействия. Наказывается такое деяние тремя годами тюремного заключения и штрафом.

Во втором абзаце данной нормы также говорится о совершении преступления в форме бездействия вышеуказанным лицом, которое, получив сведения при осуществлении или в связи с осуществлением своих полномочий или обязанностей о каком-либо лишении свободы, законность которого оспаривается, умышленно уклонилось от производства необходимых проверок, если это в его власти, либо уклонилось от передачи жалобы компетентному органу власти. В данном случае назначаемое наказание мягче по сравнению с наказанием за вышеописанное преступление – один год тюремного заключения и штраф.

В ст. 432-6 УК Франции уже установлена ответственность за деяние, совершаемое представителем администрации пенитенциарного учреждения. Суть общественной опасности его деяния может выражаться в двух альтернативных действиях:

-во-первых, принятие или удержание потерпевшего лица при отсутствии приказа, судебного решения либо акта о принятии под стражу, который составлен по закону;

-во-вторых, неправомерно осуществляемое продление срока заключения под стражу. В данном случае содеянное влечет наказание в виде тюремного заключения на срок два года и штрафа.

Последний нормативно-правовой акт, который хотелось бы упомянуть – это Уголовный кодекс Японии⁴⁴ (далее – УК Японии).

На уголовное законодательство страны восходящего солнца значительное влияние оказывало и оказывает французская и германская правовые системы. По УК Японии, также, как и в выше проанализированных УК Испании, УК Франции и УК Германии, уголовная ответственность за задержание или заключение под стражу в результате злоупотребления присвоенной по должности властью выделена в специальную норму (ст. 194) как самостоятельный вид злоупотребления присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица. В данной норме говорится об ответственности специального субъекта - лица, которое осуществляет судебские, прокурорские или полицейские полномочия либо действует в качестве помощника при осуществлении судебских, прокурорских или полицейских полномочий. Злоупотребление полномочий данным лицом выражается в присвоении ему по должности власти и задержании какого-либо лица либо держании потерпевшего под стражей. Наказание за совершение данного преступления выражается в тюремном заключении, которое варьируется от шести месяцев до десяти лет.

По итогам анализа вопросов, изученных в первой главе настоящей работы, требуется сделать следующие выводы:

Положения УК РСФСР 1960г. в части ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу значительно отличались от положений УК РСФСР 1922г. и 1926г. Прежде всего, в УК РСФСР 1960г. в отдельную, восьмую главу, впервые были выделены преступления против правосудия. Соответственно, к данному виду преступлений (ст. 178) было отнесено «заведомо незаконный арест или задержание».

Сравнительно-правовой анализ положений уголовного законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья позволяет сделать следующие выводы:

---

⁴⁴ Уголовный кодекс Японии / науч. ред. А. И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С.186.

Во-первых, деяния, связанные с лишением свободы путем незаконного применения мер процессуального принуждения, влекут уголовную ответственность во всех проанализированных выше государствах.

Во-вторых, в уголовном законодательстве большинства стран ближнего зарубежья закреплены аналогичные или во многом схожие со ст. 301 УК РФ нормы.

Так, ст. 371 УК Украины именуется «Заведомо незаконные задержание, привод, арест или содержание под стражей». Данная норма предусматривает более широкий перечень общественно опасных деяний, связанных с нарушениями уголовно-процессуального характера, приводящими к нарушению права гражданина на физическую свободы. Представляется, что расширение ответственности за незаконное задержание и незаконное заключение и содержание под стражей за счет привода вполне оправданно.

Из положений уголовно-процессуального законодательства и разъяснений Генпрокуратуры РФ следует, что фактически законодатель и правоприменитель поставили задержание и привод на одну планку в части характера воздействия, которое осуществляется в отношении задерживаемого лица и лица, подвергаемого приводу.

На основании вышеизложенного предлагаем ч. 1 ст. 301 УК РФ дополнить указанием на привод.

В-третьих, законодательные способы закрепления уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья существенно отличаются от отечественного законодательства.

ГЛАВА 2. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПОД СТРАЖУ ИЛИ СОДЕРЖАНИЕМ ПОД СТРАЖЕЙ

2.1. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от объективных признаков

Основным непосредственным объектом анализируемого состава преступления, как считают большинство ученых, являются общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия. Дополнительным непосредственным объектом выступает конституционное право граждан на свободу и личную неприкосновенность

У понятия «правосудие», с точки зрения уголовного права, два толкования.

В узком смысле - это рассмотрение, судебное разбирательство по уголовным и гражданским делам, а также по делам об административных правонарушениях или в арбитражных судах. При этом следует отметить, что Конституционный Суд РФ не входит в систему судебных органов, так как он не отправляет правосудие, а рассматривает вопросы конституционности норм российского законодательства.

В широком смысле правосудие подразумевает 3 стадии.

1. Досудебное производство - это стадия, которая появилась с принятием действующего уголовно-процессуального закона. По УПК РСФСР досудебное производство проявлялось в форме предварительного следствия или дознания.

В этом случае очень важно определить время начала и окончания досудебного производства: с момента заявления (сообщения) о преступлении до принятия судьей постановления о судебном разбирательстве, а предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Ст. ст. 294 - 298 УК РФ используют старый термин (предварительное расследование), поэтому по смыслу закона до возбуждения уголовного дела действия лица, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных

обозначенными статьями, не являются преступными. Это недоработка законодателя, вследствие чего необходимо термин «предварительное расследование» заменить термином «досудебное разбирательство».

2. Судебное разбирательство - начинается с вынесения постановления о судебном разбирательстве и заканчивается вступлением приговора в законную силу.

3. Исполнение судебных решений - начинается после вступления приговора в законную силу.

Преступления, связанные со злоупотреблением либо с превышением служебных полномочий, могут быть совершены на любой из перечисленных стадий, вследствие чего нарушается весь процесс отправления правосудия по уголовному делу.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным дать некоторые разъяснения по спорным вопросам квалификации служебных преступлений.

Ст. 285 УК РФ «злоупотребление должностных полномочий» - это общая норма по отношению к ст. 301 УК РФ.

Критерий, по которому выделяют эту группу служебных преступлений, - специальный статус субъекта преступления, а именно:

-лица, осуществляющие досудебное производство;

-лица, осуществляющие судебное разбирательство (судья или судьи, если разбирательство осуществляется не единолично).

При этом следует отметить, что лицо, исполняющее судебные решения, не является субъектом рассматриваемых преступлений. Однако, если судебный исполнитель за деньги не исполняет судебного решения, его действия надлежит квалифицировать, в рамках рассматриваемой темы, по ст. 285 УК (злоупотребление должностными полномочиями), так как законодатель не предусмотрел специальной нормы для этих субъектов⁴⁵.

В теории уголовного права высказывается иное мнение относительно понимания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 301

---

⁴⁵ Более подробно вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, будет рассмотрен в следующем параграфе

УК РФ. В частности, по мнению Н.Р. Фасхутдиновой, непосредственный объект рассматриваемого преступления составляют два вида общественных отношений – это право на личную неприкосновенность, которое гарантировано Конституцией РФ и международными актами в области прав человека, а также общественные отношения, содержание которых составляет нормальная деятельность, осуществляемая органами дознания, следствия, прокуратуры и суда в части применения задержания, заключения под стражу или содержания под стражей⁴⁶. В связи с этим указанный автор предлагает перенести анализируемый вид преступления в главу 17 УК РФ, где видовым объектом посягательства выступают свобода, честь и достоинство личности. Полагаем, что такая позиция является ошибочной. Если в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, рассматривать отношения, направленные на обеспечение нормальной деятельности органов правосудия при расследовании уголовных дел, то тогда возникает трудность в отграничении указанного состава преступления от иных посягательств на судебную власть при осуществлении правосудия. Кроме того, деятельность органов предварительного расследования в таком случае необходимо будет признавать деятельностью по осуществлению правосудия. С позиции другого автора - Ю.И. Кулешова, объект преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ образует процессуально упорядоченная деятельность по применению мер принуждения⁴⁷. Вместе с тем, по справедливому замечанию Е.М. Зацепиной, порядок как таковой и упорядоченная деятельность выходят за рамки объектов уголовно-правовой охраны и не отражают общественную опасность указанных незаконных действий⁴⁸.

---

⁴⁶ Фасхутдинова Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 1999. — С.18.

⁴⁷ Кулешов Ю.И. . Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. — Хабаровск, 2001. — С.211.

⁴⁸ Зацепина Е.М. . Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (уголовно-правовые аспекты). — Екатеринбург, 2005. — С.189.

Л.В. Лобанова полагает, что основным объектом рассматриваемого деяния являются общественные отношения, которые исключают применение процессуального задержания, заключения под стражу или содержания под стражей как мер принуждения и пресечения пресечения без соответствующих процессуальных оснований, предусмотренных законом, либо с нарушением порядка, установленного данным законом. В качестве дополнительного объекта преступления автор указывает на свободу и неприкосновенность личности⁴⁹.

А.В. Федоров в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, рассматривает общественные отношения, которые направлены на обеспечение реализации конституционного принципа неприкосновенности личности. При этом данный принцип указанным автором здесь рассматривается как две стороны (социальная и правовая) правосудия по защите личности от необоснованного ограничения ее прав и свобод⁵⁰. Позицию данного автора поддерживает Е.М. Зацепина, уточняя, что истинное предназначение уголовного судопроизводства заключается не в обеспечении реализации принципа неприкосновенности личности, а в защите личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. В этой связи, с позиции указанного автора, непосредственным объектом в данном случае образуют общественные отношения, которые обеспечивают защиту личности от незаконного задержания, заключения под стражу, содержания под стражей как назначения уголовного судопроизводства⁵¹. Как нам кажется, такая позиция, не совсем точна, поскольку при незаконном задержании, заключении под стражу и содержании под стражей в первую очередь причиняется ущерб нормальному функционированию и авторитету правоохранительной системы и судебной власти, которые призваны обеспечивать законное задержание,

---

⁴⁹ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. — Волгоград, 1999. — С.315.

⁵⁰ Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). — Калуга, 2004. — С.122.

⁵¹ Зацепина Е.М. . Указ. соч. С.189.

заключение под стражу и содержание под стражей как мер принуждения и уголовного пресечения.

Отсутствует единство мнений среди ученых в части понимания дополнительного объекта рассматриваемого посягательства. В качестве такового указывается на личность, неприкосновенность гражданина, а также личную свободу, честь и достоинство личности, жилищные, имущественные и иные интересы граждан.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, является «незаконность», то есть выполнение тех действий, которые прописаны в диспозиции ст. 301 УК РФ, в противоречии с требованиями закона. В этой связи целесообразно охарактеризовать порядок задержания, заключения и содержания под стражей, предусмотренный нормами УПК РФ⁵².

Порядок задержания подозреваемого в совершении преступления прописан в ст. 91 УПК РФ.

Задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, влекущего наказание в виде лишения свободы (п. 11 ст. 5 УПК РФ).

1. Орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих обстоятельств: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

---

⁵² Кудрявцев В.Л. Объективная сторона заведомо незаконного задержания (ч. ст. 301 УК РФ): некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2016. - №4 (16). - С. 78-81.

Возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность допускается Конституцией РФ, согласно ч. 2 ст. 22 которой арест, заключение под стражу, содержание под стражей допускаются только по судебному решению; до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. При этом Конституция РФ, связывая ограничение прав и свобод человека и гражданина с необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, не определяет конкретные основания, условия и порядок, при которых может осуществляться задержание, а относит их установление к ведению федерального законодателя.

Положения УПК РФ, регламентирующие производство задержания, не вводят никаких новых ограничений права на свободу и личную неприкосновенность по сравнению с предусмотренными ст. ст. 22 и 55 Конституции РФ, а, напротив, сужают возможность применения этих ограничений⁵³.

Моментом фактического задержания является момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Как правило, данный момент определяется с момента ограничения следователем или дознавателем права подозреваемого на свободу передвижения (в том числе с применением специальных средств) и личного объявления об этом.

Подозреваемым является лицо: 1) либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены

---

⁵³ Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. №268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. - №6.; Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. №2375-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Технюка Владислава Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

гл. 20 УПК РФ; 2) либо которое задержано в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ; 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ. Без судебного решения лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более 48 часов. В срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю должен быть составлен протокол задержания. Содержание протокола задержания должно соответствовать фактическим обстоятельствам произошедшего. Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также право пользоваться помощью адвоката (защитника), принадлежащее каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, - исходя из особого статуса этого субъекта уголовно-процессуальных отношений и необходимости установления дополнительных гарантий защиты его прав и законных интересов⁵⁴. При этом Конституция РФ, закрепляя право на получение квалифицированной юридической помощи, не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым, поэтому данное конституционное право возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным⁵⁵.

Согласно требованиям п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник

---

⁵⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 г. №38-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Солодущенко Станислава Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями части первой и пункта 3 части четвертой статьи 46, пунктов 2, 3, 3.1, 4 и 5 части третьей статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000.- №5; Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. №668-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидорова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

допускается к участию в деле, в том числе с момента фактического задержания лица, т.е. немедленно.

Если задержанный не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, к производству процессуального действия привлекается переводчик (п. 7 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), в порядке, определенном ст. 59 и ст. 169 УПК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 91 УПК РФ требует указания даты и времени задержания в протоколе задержания, что исключает бесконтрольное, вне установленных сроков, содержание задержанного правоприменительным органом⁵⁶.

При этом протокол задержания составляется с соблюдением установленных в УПК РФ правил. В протоколе обязательно указываются:

1) дата, место и время начала и окончания составления протокола с точностью до минуты;

2) должность, специальное или воинское звание, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;

3) фамилия, имя и отчество защитника, присутствующего при задержании подозреваемого, номер его удостоверения, номер и дата выдачи ордера, а также полное наименование адвокатского образования, его выдавшего;

4) процессуальное положение, фамилия, имя и отчество каждого лица, участвующего в процессуальном действии, а в необходимых случаях их адреса и другие данные об их личности;

5) дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого;

6) фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, а также место жительства (регистрации) задержанного, его гражданство, семейное положение, сведения о месте работы, документах, удостоверяющих его личность, сведения о судимости с указанием, когда именно, каким судом и по какой статье УК РФ

---

⁵⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2009 г. №1400-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 50 и частью первой статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

был осужден;

7) результаты его личного обыска;

8) объяснения задержанного либо причины, по которым он отказался давать таковые, а также другие обстоятельства его задержания.

По смыслу этой уголовно-процессуальной нормы под другими обстоятельствами задержания подозреваемого следует понимать, в частности, сведения о применении физической силы, специальных средств, об оказании медицинской помощи задержанному, о наличии у него каких-либо телесных повреждений и тому подобное. В протоколе задержания должны быть указаны все имевшие место такие обстоятельства.

Кроме того, в протоколе задержания надлежит указывать, не относится ли задержанный к категории лиц, пользующихся иммунитетом от процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, или лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам; не является ли подозреваемый членом общественной наблюдательной комиссии, образованной в соответствии с законодательством Российской Федерации, и другие данные.

При составлении протокола подозреваемому одновременно разъясняются его права, перечисленные в ст. ст. 16, 46 и 317.1 УПК РФ, о чем делается соответствующая отметка в протоколе задержания. Подозреваемому также разъясняется, что в соответствии со ст. 51 Конституции РФ он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

Протокол задержания подписывается должностным лицом, его составившим, подозреваемым, его защитником, понятыми, специалистом и другими лицами, принимавшими участие в производстве процессуального действия. Подозреваемый вправе получить при этом копию протокола задержания.

Особое внимание должно обращать на то, что в протоколе задержания

следователем в обязательном порядке должны указываться не только основания задержания подозреваемого, перечисленные в ст. 91 настоящего Кодекса, но и иные обязательные сведения, среди которых предусмотрено приведение мотивов задержания подозреваемого, т.е. конкретные данные, обосновывающие необходимость задержания лица - в качестве подозреваемого в данном случае.

При наличии оснований следователем или дознавателем выносятся постановление о производстве освидетельствования подозреваемого в соответствии со ст. ст. 179, 180 УПК РФ и обеспечивается его реализация с привлечением врача или другого специалиста.

В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование задержанного лица может быть произведено до возбуждения уголовного дела и соответственно до составления следователем протокола задержания.

По окончании проведения процессуального действия в протокол задержания вносится наименование места содержания, куда направлен подозреваемый.

2. В течение 12 часов с момента задержания орган дознания, дознаватель или следователь обязаны сообщить о произведенном задержании подозреваемого надзирающему прокурору в письменном виде, обеспечив фактическое получение прокурором уведомления в указанный срок. В данном сообщении помимо сведений о личности подозреваемого надлежит указывать и место, куда последний направлен для содержания.

В каждом случае задержания подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания по правилам, установленным ч. 2 ст. 46, ст. ст. 189 и 190 УПК РФ, с соблюдением прав, гарантированных ему законом. До начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально. Конфиденциальность свидания подразумевает запрет на проведение оперативно-разыскных мероприятий технического и иного характера в целях получения информации о содержании беседы подозреваемого с защитником.

Закон предусматривает, что в случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность

свидания с защитником свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. В любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов.

Если лицо задержано на месте преступления, его допрос в качестве подозреваемого производится незамедлительно.

Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного настоящим Кодексом (ч. 2 ст. 10 УПК РФ).

3. Задержание в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ может быть применено только по возбужденному уголовному делу.

С учетом презумпции невиновности и презумпции свободы задержание подозреваемого в порядке, предусмотренном данными статьями, и последующее избрание в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть крайней мерой, исключением, а не правилом. При этом следует учитывать, что лишение свободы должно рассматриваться как санкция или мера, которая применяется в последнюю очередь и может быть применена, только если тяжесть преступления делает иную санкцию или меру явно неадекватной.

Ограничения же, налагаемые на лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той обоснованной цели, с которой они налагались.

4. Задержание лица по подозрению в совершении преступления (захват) и его доставление в орган дознания, к дознавателю или следователю производится до возбуждения уголовного дела.

Следует учитывать, что первоисточником важнейших сведений о преступлении, сообщаемых лицом, данное преступление совершившим,

является собственноручно написанное или протокольно зафиксированное заявление о явке с повинной, которое в судебном доказывании по уголовному делу признается самостоятельным документальным доказательством.

При этом следует учитывать, что по смыслу закона, исходя из разъяснений, содержащихся в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015г. №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁵⁷, заявление лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях следует признавать явкой с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления.

Не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления. Признание лицом своей вины в совершении преступления в таких случаях может быть учтено судом в качестве иного смягчающего обстоятельства в порядке части 2 статьи 61 УК РФ или, при наличии к тому оснований, как активное содействие раскрытию и расследованию преступления.

5. Закон наделяет орган дознания, дознавателя и следователя правом на задержание лица при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы: 1) если это лицо пыталось скрыться; 2) либо не имеет постоянного места жительства; 3) либо не установлена его личность; 4) либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

При отсутствии указанных оснований, в том числе при одном лишь намерении следователя направить в суд ходатайство об избрании в отношении лица по подозрению в совершении преступления меры пресечения в виде заключения под стражу, задержание не допускается.

---

⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. - №2.

По смыслу закона приведенные в ст. 91 УПК РФ основания задержания подозреваемого относятся непосредственно к моменту получения данных о причастности лица к совершению преступления и не могут являться достаточными по истечении длительного времени после того, как следователю стало о них известно.

Вместе с тем в соответствии со ст. 210 УПК РФ в случае обнаружения обвиняемого, объявленного в розыск, он может быть задержан в порядке, установленном гл. 12 УПК РФ, с составлением протокола задержания обвиняемого.

При этом задержание разыскиваемого обвиняемого допускается как по месту производства предварительного расследования, так и по месту его обнаружения на основании вынесенного следователем (руководителем следственного органа) постановления об объявлении розыска и задержании обвиняемого либо отдельного постановления о задержании обвиняемого, а также письменного поручения следователя (руководителя следственного органа) органу дознания об исполнении постановления о задержании, оказании содействия при его осуществлении, отдельного поручения о производстве следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 152 и ч. 3 ст. 210 УПК РФ).

В дальнейшем суд по месту задержания обвиняемого вправе рассмотреть ходатайство об избрании в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом суд должен располагать копиями постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и материалов, подтверждающих его обоснованность⁵⁸.

Проиллюстрируем вышесказанное примером из судебной практики:

И. обвинялась в заведомо незаконном задержании Чазова. Согласно предъявленному обвинению ее действия выразились в следующем.

Работая следователем следственного управления при УВД Мотовилихинского района г. Перми, И. 17 апреля 2003 г. в 21 час 30 мин.

---

⁵⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. - №2.

рассмотрела материалы по факту причинения Чазовым 15 апреля 2003 г. тяжкого вреда здоровью Ичетовкину и вынесла постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 111 УК РФ. В нарушение требований ст. 146 УПК РФ, не согласовав возбуждение уголовного дела с прокурором, превышая свои должностные полномочия, следователь И. приступила к производству предварительного следствия и в 22 час. 15 мин. в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ составила протокол задержания Чазова по подозрению в совершении им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. На основании этого протокола он был помещен в изолятор временного содержания УВД г. Перми, чем нарушено его право на свободу и личную неприкосновенность.

По приговору Пермского областного суда от 21 ноября 2003 г. И. оправдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Суд в приговоре указал, что задержание Чазова законно, поскольку к этому были основания, предусмотренные законом, согласно которому задержание подозреваемого не ставится в зависимость от возбуждения против него уголовного дела. Стороной обвинения не представлено доказательств того, что И. произвела незаконное задержание и заведомо осознавала это.

Государственный обвинитель в кассационном представлении просил приговор отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение, считая, что суд, неверно истолковав закон, сделал ошибочный вывод о невиновности И. в совершении преступления. Как указано в кассационном представлении, решение о наличии в деянии состава преступления оформляется постановлением следователя о возбуждении уголовного дела, которое должно быть согласовано с прокурором. И., не получив у прокурора согласия на возбуждение уголовного дела, незаконно задержала Чазова, нарушив его конституционные права.

В возражениях на кассационное представление прокурора адвокат просила его отклонить, ссылаясь на то, что уголовно-процессуальный закон не содержит запрета производить задержание подозреваемого лица без возбуждения в отношении него уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 2 февраля 2004 г. оставила оправдательный приговор без изменения, а кассационное представление - без удовлетворения, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь или прокурор вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Согласно требованиям, предусмотренным ст. 92 УПК РФ, после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. О произведенном задержании следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого.

Как видно из материалов дела, 17 апреля 2003 г. находившийся на излечении в больнице Ичетовкин обратился в органы внутренних дел с устным заявлением о привлечении к ответственности виновных в причинении ему тяжких телесных повреждений. В ходе проведенной в тот же день проверки как потерпевший, так и другие очевидцы указали на Чазова как на лицо, совершившее это преступление. Чазов, доставленный в УВД Мотовилихинского района г. Перми, не отрицал своей виновности. Согласно медицинской справке у Ичетовкина имелась сочетанная травма: сотрясение головного мозга, множественные ушибы мягких тканей лица, перелом пяти ребер с разрывом левого легкого, пневмоторакс слева.

На том основании, что потерпевший и другие очевидцы прямо указали на Чазова как на лицо, совершившее преступление, 17 апреля 2003 г. в 21 час 30 мин. следователь И. вынесла постановление о возбуждении в отношении него

уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. В этот же день она в 22 час. 15 мин. составила протокол задержания Чазова как лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ, и в установленный ст. 92 УК РФ срок направила письменное сообщение соответствующему прокурору.

18 апреля 2003 г. в 10 час. следователь И. обратилась к прокурору (заместителю прокурора Мотовилихинского района г. Перми) за согласием на возбуждение уголовного дела, и в 11 час. прокурор дал согласие на возбуждение уголовного дела в отношении Чазова.

Мотовилихинский районный суд г. Перми 11 августа 2003 г. осудил Чазова по ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 112, ст. 119, ч. 3 ст. 69 УК РФ к шести годам шести месяцам лишения свободы.

Уголовным законом - ч. 1 ст. 301 УК РФ - установлена уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание, т. е. задержание, произведенное при отсутствии предусмотренных законом оснований и с нарушением установленных им условий. С субъективной стороны данное преступление может совершаться только при наличии прямого умысла, когда виновный осознает, что производимое им задержание заведомо незаконно, однако по тем или иным мотивам желает произвести задержание.

Как видно из материалов дела, следователем И. выполнены все требования уголовно-процессуального закона, регулирующие основания и порядок задержания подозреваемого. Не усматривается в ее действиях и прямого умысла на задержание подозреваемого с нарушением требований уголовно-процессуального закона и его конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

При таких обстоятельствах суд пришел к правильному выводу о невиновности И. в заведомо незаконном задержании подозреваемого и оправдал ее по ст. 301 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Изложенные в кассационном представлении доводы о том, что подозреваемый Чазов задержан следователем И. незаконно, поскольку ею на тот момент не было получено согласие прокурора на возбуждение уголовного

дела, необоснованны, так как согласия прокурора на задержание подозреваемого лица по уголовно-процессуальному закону не требуется⁵⁹.

Если обратиться к правилам задержания несовершеннолетнего, то в отношении условий, оснований и процедуры они вообще не содержат каких-либо особенностей по сравнению с правилами задержания взрослого. Такая регламентация вызывает недоумение, учитывая, что задержание производится без судебного решения, в неотложной ситуации⁶⁰, осуществляется в отношении лица, которое лишь подозревается в совершении преступления. И еще одно обстоятельство, на котором нельзя не остановиться: в соответствии с общими правилами задержание может применяться при подозрении лица в совершении любого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УК РФ).

Следует заметить, что своего рода гарантией от неоправданно широкого применения задержания несовершеннолетних является сложившийся в правоприменительной практике подход, в соответствии с которым задержание оценивается как правомерное, если в последующем применяется такая мера пресечения как заключение под стражу, и, соответственно, неправомерное, если она не применялась. Такой подход находит объяснение в процессуальной науке. Так, ряд авторов считают, что задержание занимает подчиненное место по отношению к заключению под стражей и является его начальным этапом.

Между тем точка зрения на задержание как первоначальный этап заключения под стражу имеет свою негативную сторону, заключающуюся в том, что при применении задержания в последующем всегда должен ставиться вопрос о заключении лица под стражу. То есть обусловленность задержания последующим заключением под стражу, с одной стороны, выступает сдерживающим фактором широкого применения задержания, но, с другой стороны, таит опасность принятия необоснованного решения о заключении под

---

⁵⁹ Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2004г. №44-о04-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - №9.

⁶⁰ Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. – 2015. - №6. – С.18; Хмельников М.С. Ответственность сотрудников органов внутренних дел за «непроцессуальное задержание» // Вестник магистратуры. - 2016. - № 10-2 (61). - С. 104-106.

стражу в связи с необходимостью подтверждения правомерности состоявшегося задержания.

Что касается ответственности за незаконное заключение под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ), то общественно-опасное деяние данного посягательства выражается в заведомо незаконном заключении под стражу или содержании под стражей.

Согласно ст. 97 УПК РФ, содержание под стражей как мера уголовно-процессуального пресечения может применяться только при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый):

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю и другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Необходимо отметить, что цели, которые преследует такая мера пресечения как заключение под стражу», заключаются в следующем:

-предупредить возможность обвиняемого либо (подозреваемого скрыться от следствия и суда;

-исключить возможность совершения нового преступления со стороны обвиняемого (подозреваемого);

-исключить попытки воспрепятствования производству по уголовному делу и обеспечить исполнение приговора.

В учебной литературе основания, требуемые для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, подразделяют на две группы. Основания первой группы связаны с информацией об обвиняемом (подозреваемом), К примеру, это данные о причастности лица к совершению преступления. Вторую группу образуют обстоятельства, которые указаны в ст. ст. 97, 99 УПК РФ. К ним относятся: информация о тяжести предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого, его возрасте, состоянии здоровья,

семейном положении, роде занятий и др.⁶¹. При наличии вышеперечисленных оснований, дознаватели или следователи, с согласия прокурора, выходят в суд с ходатайством о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу либо о продлении срока содержания данных лиц под стражей. Вместе с тем суд может и по своей собственной инициативе вынести решение об избрании рассматриваемой меры пресечения обвиняемому (подозреваемому) в случае, если вопрос об этом возникает непосредственно в суде. Постановлением Конституционного Суда РФ от 22.03.2005г. №4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан»⁶² данные положения уголовно-процессуального законодательства не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают возможность принятия судом решения по указанному вопросу без исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения.

Юридически значимым решение суда о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу становится в тот момент, когда судья (суд) подписывают постановление (определение). Данное судебное решение может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке в течение трех суток со дня его вынесения.

Сроки содержания под стражей определены в ст. 109 УПК РФ, согласно которой содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать двух месяцев. Согласно ч. 2 данной статьи, при невозможности

---

⁶¹ Гааг И.А. Критерии незаконности заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ) // Социогуманитарный вестник. – 2016. - №1 (16). – С.71-76.

⁶² Собрание законодательства РФ. – 2005. - №14. - Ст. 1271.

завершить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном ч. 3 ст. 108 УПК РФ на срок до шести месяцев (но существуют и некоторые исключения).

В соответствии со ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется только по решению суда в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, если невозможно применить иную, более мягкую, меру пресечения. Однако в исключительных случаях эта мера может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) не установлена его личность;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях — и в преступлениях средней тяжести.

Как следует из приведенных выше положений уголовно-процессуального законодательства, незаконным заключение под стражу или содержание под стражей будет являться в случае нарушения данных требований закона.

Между тем в литературе высказывается мнение, что основание для применения меры пресечения в виде заключения под стражу заключается в законности и обоснованности применения данной меры пресечения. При этом признак законности выражается в соблюдении всех норм УПК РФ, которые

регламентируют и порядок избрания данной меры пресечения, основания для ее продления. А элемент «обоснованности» означает, что в представленных в суд материалах с целью решения вопроса о заключении под стражу или продлении содержания под стражей наличествуют данные, свидетельствующие о необходимости применения рассматриваемой меры пресечения. Как нам кажется, подобные доводы являются спорными, так как такие признаки как «законность» и «обоснованность» в части применения меры пресечения не предусмотрены в УПК РФ в качестве основания для ее применения. Полагаем, что их больше следует отнести к принципам (концептуальным положениям) применения заключения под стражу. В этой связи необходимо отметить неточность рассуждения С.Э. Асликяна о том, что только нарушение оснований и условий заключения под стражу образует рассматриваемый состав преступления, а нарушения норм УПК РФ, которые регламентируют порядок применения данной меры пресечения, свидетельствуют только о наличии дисциплинарного проступка⁶³. Ошибочность данных суждений автора заключается в том, что он необоснованно отрывает друг от друга и противопоставляет основания и условия применения меры пресечения и нормы УПК РФ, которые регламентируют основания, условия и порядок применения мер пресечения.

А.С. Горелик и Л.В. Лобанова справедливо указывают на то, что заключение под стражу считается незаконным в случае отсутствия фактических оснований для применения рассматриваемой меры пресечения. К примеру, аресту подвергается лицо, которое не совершило какое-либо преступление либо следователь при избрании данной меры пресечения нарушил процессуальный порядок, в частности, закрепленный в ст. 108 УПК РФ⁶⁴.

Преступление, предусмотренное ст. 301 УК РФ, относится к деяниям с формальным составом. Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно-опасного действия, выразившегося:

---

⁶³ Асликян С.Э. Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей // Науч. тр. филиала МГЮА в г. Кирове. Вып.8. – Киров, 2003. – С.15.

⁶⁴ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб, 2005. – С.190.

-по ч. 1 – в фактическом задержании лица;

-по ч. 2 – в подписании судьей (судом) постановления (определения) об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока содержания под стражей. На момент окончания преступления не влияет факт исполнения (неисполнения) такого постановления. Иными словами, не имеет значение было ли лицо заключено под стражу или нет.

Уголовно наказуемым является именно факт незаконного задержания или факт незаконного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, но не процессуальные нарушения, связанные с применением задержания (к примеру, нарушение сроков по составлению протокола после фактического задержания) или заключением под стражу⁶⁵.

Так, например, 03 декабря 2012 г. заявитель П.В. обратился в Черемушкинский районный суд г. Москвы с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой оспаривал законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Рассмотрев данную жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, постановлением от 12 марта 2013 года, суд оставил ее без удовлетворения.

В своей апелляционной жалобе заявитель П.В. ставит вопрос об отмене состоявшегося судебного постановления, считая, что оно является незаконным, необоснованным, вынесенным с нарушением уголовно-процессуального закона. Подробно излагая обстоятельства своего задержания, указывает, что выводы суда относительно законности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 02 августа 2010 г. и выделения следователем К.В. материала для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 301 УК РФ, являются необоснованными, принятыми без учета решения Гагаринского районного суда г. Москвы от 04 августа 2010 г., которым, его задержание 19

---

⁶⁵ Калиновский К.Б. Правила освобождения из-под стражи подсудимого и осужденного // Уголовный процесс. – 2017. - №3 (147). – С.9; Булаева Н.С. Незаконное заключение по стражу: правовые и процессуальные аспекты // В сборнике: Актуальные проблемы современного права и политики Сборник научных трудов по материалам Всероссийской студенческой научной конференции . Ответственный редактор Д.В. Ирошников. - 2016. - С. 217-220.

декабря 2009 г. и содержание в ОВД до 04 час. 50 мин. 20 декабря 2009 г. было признано незаконным и нарушающим его конституционные права, что прямо противоположно выводам следователя К., изложенным в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела.

В ходе судебного заседания суда апелляционной инстанции заявитель П.В. полностью поддержал доводы своей апелляционной жалобы, уточнив, что фактически он согласен с принятым следователями решением, но, настаивает на признании незаконными действий должностных лиц, связанных с его административным задержанием.

Прокурор Зайцев И.Г., сославшись на законность принятого судом первой инстанции решения, просил оставить его без изменения, апелляционную жалобу - без удовлетворения.

Проверив материалы дела, выслушав мнение участников процесса, обсудив доводы апелляционной жалобы, судебная коллегия находит постановление суда законным и обоснованным.

Рассмотрев жалобу П.В., суд, изучив представленные материалы проверок №35пр-10 и №158пр-10, выслушав мнение участников процесса, признал обоснованным содержащийся в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 02.08.2012 г. вывод следователя СО по Черемушкинскому району СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве К.Д. о том, что в результате проведенной, в порядке ст. ст. 144 - 145 УПК РФ проверки в действиях сотрудников ОВД по району Черемушки г. Москвы не усматривается признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Соглашаясь с выводами суда о том, что решение следователей об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению П.В., а также о выделении материалов для проведения проверки в порядке ст. ст. 144 - 145 УПК РФ на предмет наличия в действиях сотрудников ОВД по району Черемушки г. Москвы признаков состава преступления, предусмотренного по ч. 1 ст. 301 УПК РФ отвечает требованиям УПК РФ, судебная коллегия находит правильным решение суда об отказе в удовлетворении жалобы П.В., поскольку из представленных материалов дела следует, что в ходе проверок, проведенных

в порядке ст. ст. 144 - 145 УПК РФ, доводы заявителя были должным образом проверены, им дана надлежащая оценка, нарушений уголовно-процессуального закона при принятии решения по заявлению П.В. о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции, ни следователем К.В., ни следователем К.Д. не допущено.

Вывод суда об отсутствии нарушений закона со стороны следователей СО по Черемушкинскому району СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве К.Д., К.В. при принятии решений по заявлению П.В. о возбуждении уголовного дела основан на материалах дела и соответствует положениям уголовно-процессуального закона, поэтому судебная коллегия находит правильным мотивированное решение суда, принятое по жалобе заявителя.

Нарушений уголовно-процессуального закона при рассмотрении жалобы П.В. судом не допущено, поэтому коллегия признает постановление суда об отказе в удовлетворении данной жалобы отвечающим требованиям ст. 125 УПК РФ и не усматривает оснований для его отмены по доводам апелляционной жалобы заявителя⁶⁶.

По конструкции объективной стороны преступление, предусмотренное ч.1, ч. 2 ст. 301 УК РФ, будет считаться оконченным с момента совершения общественно-опасного деяния, то есть с момента фактического задержания или вынесения постановления о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу⁶⁷.

Если речь идет об уголовной ответственности за незаконное содержание под стражей, то в данном случае деяние будет считаться оконченным с момента истечения срока содержания под стражей либо неправомерного его продления⁶⁸.

Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 301 УК РФ, относится к деяниям с материальным составом. Оно будет считаться оконченным в момент

---

⁶⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2013 по делу №22-2276/2012г. // <http://www.consultant.ru/>

⁶⁷ Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. - М., 2005. - С. 147.

⁶⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. - М.: Проспект, 2010. - С.654.

наступления тяжких последствий в результате заведомо незаконного задержания или заключения под стражу, а также содержания под стражей.

Понятие тяжких последствий на законодательном уровне не разъясняется. Нет соответствующего разъяснения применительно к ст. 301 УК РФ. В этой связи, учитывая, что ст. 301 УК РФ, как отмечалось выше, является специальной нормой по отношению к ст. 285 УК РФ, полагаем, что здесь можно применить разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁶⁹. Согласно п. 21 данного Постановления под тяжкими последствиями следует, в частности, понимать последствия совершения преступления в виде причинения смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего. Также о самоубийстве и попытке на самоубийство говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁷⁰.

В Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁷¹ к тяжким последствиям относится причинение тяжкого вреда здоровью. Об аналогичных последствиях говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002г. №14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»⁷².

В соответствии с санкцией ч. 3 ст. 301 УК РФ совершение посягательства, предусмотренного данной нормой, влечет наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет. Сравнивая с санкцией по ч. 1 ст. 111 УК РФ, где

---

⁶⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

⁷⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. - №2.

⁷¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. - №4.

⁷² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. - №8.

размер наказания составляет до восьми лет лишения свободы, можно сделать вывод, что санкция по ч. 3 ст. 301 УК РФ более строгая за счет установления нижнего предела наказания в виде лишения свободы. Следовательно, тяжкими последствиями применительно к ч. 3 ст. 301 УК РФ, по нашему мнению, являются: самоубийство или покушение на самоубийство лица, незаконного задержанного или заключенного под стражу, а также нанесение ему побоев, легкого вреда здоровью, вред здоровью средней тяжести, тяжкого вреда здоровью (причиненного как умышленно, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности (поскольку санкция ст. 109 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет). Что же касается умышленного причинения смерти, то такие последствия требуют дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ.

2.2. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, в зависимости от субъективных признаков

При ретроспективном анализе российского уголовного законодательства отмечалось, что в отдельных дореволюционных нормативно-правовых актах акцентировалось внимание на том, что субъектом незаконного задержания и заключения под стражу могли быть только должностные лица, то есть специальные субъекты. В советском законодательстве о специальных характеристиках субъекта рассматриваемого преступления не упоминалось, поэтому данный вопрос решался посредством разъяснений, даваемых высшими судебными инстанциями.

Аналогичным образом при анализе зарубежного уголовного законодательства указывалось на то, что в уголовных законах ряда зарубежных стран прописаны специальные характеристики субъекта рассматриваемого посягательства.

Что же касается действующего российского уголовного законодательства, то здесь сохранена традиция советского законодательства не отмечать признаки, свидетельствующие о специальном субъекте преступления.

В теории и правоприменительной деятельности под специальным субъектом преступления принято понимать физическое лицо, которое помимо общих признаков субъекта преступления (физическая сущность, вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности) должно обладать обязательными дополнительными признаками (гражданство, специальный правовой статус и др.), позволяющими ему совершить в качестве исполнителя преступление со специальным субъектом, а органу уголовного преследования и суду – квалифицировать его действия как исполнителя преступления со специальным субъектом. Соответственно составом преступления со специальным субъектом признается система объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для признания конкретного деяния преступлением данного вида, в число которых в качестве обязательных включены один или несколько указанных признаков специального субъекта⁷³.

Как отмечает Н.Д. Дурманов конструирование составов преступлений с общим субъектом и со специальным субъектом существенно различается. Так, признаки общего субъекта в диспозициях статей Особенной части уголовного закона не указываются, поскольку норма уголовного права предполагает сочетание конкретного юридического положения Особенной части и множества нормативных положений Общей части⁷⁴.

В отличие от общего субъекта, специальный субъект, как правило, четко обозначен в тексте диспозиции статьи Особенной части УК РФ⁷⁵. В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается, что дополнительные признаки, присущие специальному субъекту преступления, ограничивают возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления⁷⁶, а отсутствие признаков специального субъекта,

---

⁷³ Винокуров В. Субъекты правоотношений как способ установления объекта преступления // Уголовное право. – 2010. - №4. – С.50.

⁷⁴ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. - М.: Издво МГУ, 1967. - С. 110.

⁷⁵ Алексеева С. В. Актуальные проблемы законодательной регламентации признаков специального субъекта преступления в Уголовном кодексе РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 86-90.

⁷⁶ Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рарога. - М.: ТК Велби, Издво Проспект, 2006. - С. 89.

предусмотренных в статье Особенной части УК, исключают уголовную ответственность лица либо его действия могут быть квалифицированы по другим статьям⁷⁷. Изложенные научные воззрения, на наш взгляд, должны составлять теоретическую основу законодательного подхода к регламентации признаков специального субъекта преступления в УК РФ. Однако в последнее время в УК РФ стали появляться составы преступлений, законодательная регламентация которых не позволяет однозначно определить, во-первых, необходимо ли в них наличие признаков специального субъекта; во-вторых, с какого момента возникают признаки специального субъекта. Одним из таких преступлений как раз является деяние, предусмотренное ст. 301 УК РФ.

Необходимо отметить, что признаки специального субъекта по ч. 1 ст. 301 УК РФ отличаются от признаков субъекта по ч. 2 ст. 301 УК РФ.

Рассмотрим их подробно. Поскольку преступление, предусмотренное ст. 301 УК РФ, как отмечалось выше при анализе объекта данного посягательства, относится к посягательствам против правосудия, то, соответственно, это обуславливает и специальные признаки субъекта данного деяния. Таким образом, речь может идти о лицах, так или иначе участвующих в отправлении правосудия или определенным образом связанные с ним.

В этой связи граждане, которые наделены уголовно-процессуальным правом на осуществление задержания, не могут нести ответственность по ч. 1 ст. 301 УК РФ. В случае заведомо незаконного задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, данные лица понесут ответственность по ст. 127 УК РФ за незаконное лишение свободы.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, должен быть наделен правом на задержание в уголовно-процессуальном порядке. Соответственно круг субъектов рассматриваемого деяния будет весьма узок.

Так, Рудяков А.Д. оправдан по предъявленному ему обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями, то есть использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы,

---

⁷⁷ Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. - М.: Издво МГУ, 2003. - С.87.

из личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

В части оправдания Рудякова А.Д. по ч.1 ст.285 УК РФ приговор не обжалуется.

Рудяков А.Д. признан виновным и осужден за заведомо незаконное задержание.

При этом, как следует из приговора, содеянное Рудяковым А.Д. преступление выразилось в том, что он, в процессе проведения самостоятельного незаконного дознания по факту разбойного нападения на продавца киоска, вызвал последнюю в свой служебный кабинет, где, используя незаконные методы, пытался добиться от потерпевшей показаний о ложности сделанного ею заявления о факте разбойного нападения и присвоении пропавших из киоска денег. С целью получения требуемых показаний осужденный, посредством запугивания стал склонять потерпевшую к тому, чтобы она написала вышеуказанное заявление. Однако потерпевшая П. отказалась выполнить требования Рудякова А.Д. Тогда осужденный, осознавая факт заведомой незаконности своих действий, при отсутствии возбужденного уголовного дела или дела об административном правонарушении, отвел потерпевшую П. в дежурную часть, где поместил в камеру для доставленных. Тем самым Рудяков А.Д. произвел незаконное задержание гражданки П. Через 1 час 45 минут осужденный отвел потерпевшую в свой кабинет, где заставлял П. написать расписку в том, что она сама возместит М. сумму, похищенную из киоска. Но, опять не получив согласие потерпевшей на написание такой расписки, осужденный вновь отвел П. в дежурную часть и поместил в камеру для доставленных, то есть повторно произвел незаконное задержание.

Осужденный Рудяков А.Д. и адвокат Г. подали надзорную жалобу на приговор, в которой просили приговор в части осуждения Рудякова А.Д. по ч.1 ст.301 УК РФ отменить.

Надзорная инстанция, проверив доводы надзорной жалобы, пришла к следующему выводу:

Судом первой инстанции действия Рудякова А.Д. были квалифицированы по ч.1 ст.301 УК РФ как заведомо незаконное задержание.

Из смысла закона вытекает, что незаконное задержание, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 301 УК РФ, представляет собой задержание в уголовно-процессуальном порядке. Субъектами данного преступления могут являть только должностные лица органа дознания и следствия. Однако к таким лицам Рудяков А.Д. не относился, уголовно-процессуальное задержание он не производил, поэтому в его действиях отсутствует состав указанного преступления.

Вместе с тем, в действиях Рудякова А.Д. имеются признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст.127 УК РФ - незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением.

При таких обстоятельствах, президиум считает, что действия Рудякова А.Д. следует переqualифицировать с ч.1 ст.301 УК РФ на ч.1 ст.127 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27.12.2009 года № 377-ФЗ)⁷⁸.

Б., работавший участковым уполномоченным милиции, осужден за превышение должностных полномочий с применением насилия, за заведомо незаконное задержание, за умышленное повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба.

Преступления совершены 9 января и 20 марта 2006 года в г. Перми при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационной жалобе осужденный Б. и адвокат Головин просят приговор отменить и дело прекратить за отсутствием в действиях Б. составов преступлений, указывают, что стоимость ремонта поврежденных Б. колес составляет 1900 руб. и этот ущерб не является значительным, поскольку согласно примечанию к ст. 158 УК РФ значительным признается ущерб, составляющий не менее 2500 руб., поэтому в действиях Б. нет состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, Б. пресекал противоправные действия Ф., который находился в состоянии алкогольного

---

⁷⁸ Постановление Амурского областного суда 22 ноября 2010 года // <https://rospravosudie.com/>

опьянения средней степени, употреблял пиво в холле общежития, выражался нецензурной бранью, оскорблял сотрудника милиции Б., т.е. в его действиях имелись признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, а также признаки мелкого хулиганства и неповиновения законному распоряжению сотрудника милиции - ст. ст. 20.1 и 19.3 КоАП РФ, суд оценки поведению Ф. не дал, а также тому факту, что Б. не осуществлял само задержание, лишь вызвал наряд милиции, необоснованно признал Б. виновным в незаконном задержании Ф. и квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 301 УК РФ, нет в действиях Б. и состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, т.к. действий, явно выходящих за его полномочия, он не совершил, был вправе пресечь действия Ф., который оскорбил его, ударил Б. рукой в плечо, а также применить к нему физическую силу, суд не дал оценки противоречиям в выводах судебно-медицинских экспертиз о характере полученных Ф. телесных повреждений, решение о взыскании в счет компенсации морального вреда суд не мотивировал.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия находит, что вина осужденного в превышении должностных полномочий материалами дела доказана, а доводы жалобы осужденного и его адвоката о том, что осужденный обоснованно задержал потерпевшего Ф. и применил при задержании к нему силу, опровергаются показаниями потерпевшего и свидетелей. В частности, осужденный применял насилие к Ф., что выразилось в нанесении удары кулаком по лицу. Тем самым он превысил свои полномочия.

Кроме того, характер и степень тяжести телесных повреждений, причиненных осужденным Б. потерпевшему Ф., не влияет на правильность квалификации действий осужденного по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ как превышения им должностных полномочий с применением насилия.

Наказание по этой статье назначено в соответствии с законом.

Однако дополнительное наказание Б. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ на основании ст. 47 УК РФ в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением властных, организационно-распорядительных и

административно-хозяйственных функций в государственных органах и органах местного самоуправления сроком на 2 года назначено необоснованно и подлежит исключению из приговора по следующим основаниям.

В соответствии с нормами ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

По смыслу закона данное наказание назначается осужденным, которые совершили преступление, используя свое служебное положение, когда суд признает невозможным за осужденным право занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

По делу видно, что осужденный Б. занимал должность в органах внутренних дел, и суд был вправе лишить его права занимать должности в органах внутренних дел, ст. 47 УК РФ говорит об определенной должности, которую в приговоре должен указать суд.

Назначая данный вид наказания в качестве основного или в качестве дополнительного суд не вправе расширительно толковать положения ст. 47 УК РФ, ограничивающие круг лиц, которым может быть назначено это наказание.

Гражданский иск потерпевшего Ф. о взыскании с Б. в счет компенсации морального вреда разрешен судом в соответствии с законом.

Что же касается доводов адвоката Головина о том, что суд не предоставил Б. права участвовать в прениях сторон, то они являются необоснованными, поскольку в соответствии с нормами ч. 2 ст. 292 УПК РФ подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон, однако из протокола судебного заседания видно, что такого ходатайства Б. не заявлял.

Вместе с тем, приговор в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 301 УК РФ и ч. 1 ст. 167 УК РФ подлежит отмене, а дело прекращению по следующим основаниям.

По смыслу закона, под незаконным задержанием, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 301 УК РФ, понимается

задержание в уголовно-процессуальном порядке, и субъектом этого преступления могут быть лишь должностные лица органа дознания, следствия и прокурор, к таким лицам участковый уполномоченный милиции Б. не относился, уголовно-процессуальное задержание не производил, поэтому в его действиях отсутствует состав этого преступления.

Отсутствует в действиях Б. и состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, поскольку по делу видно, что стоимость восстановительного ремонта поврежденных Б. 5 колес (т. 2 л.д. 172) составляет 1700 руб., этот ущерб в соответствии с п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ не может быть признан значительным, поэтому приговор и в этой части подлежит отмене, а дело - прекращению⁷⁹.

Исходя из положений ст. ст. 39, 92 УПК РФ следует, что правом на задержание обладают:

- руководители следственного органа;
- следователи;
- органы дознания;
- дознаватели.

Из данного перечня видно, что руководитель следственного органа, следователь, дознаватель – это конкретные физические лица. Что же касается органа дознания, то в соответствии со ст. 40 УПК РФ – это могут быть как отдельные физические лица (начальник органа военной полиции Вооруженных Сил РФ, командир воинской части, соединения, начальника военного учреждения и гарнизона), так и «коллективные» субъекты (органы внутренних дел РФ и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности; органы

---

⁷⁹ Кассационное определение ВС РФ от 10 ноября 2006 года. Дело №44-о06-118 // <http://sudbiblioteka.ru/>

Федеральной службы судебных приставов органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы).

Как мы видим каждый из перечисленных органов дознания имеет ложную структуру. Соответственно, возникает вопрос резонный вопрос: «А все ли сотрудники данных органов обладают правом на задержание?».

Ответ на данный вопрос можно получить на примере анализа одного из перечисленных органов дознания – Органа внутренних дел РФ.

Согласно ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011г. №3-ФЗ «О полиции» правом на задержание обладают все сотрудники полиции.

В ст. ст. 12, 13 данного Закона для всей полиции определены единые права и обязанности: возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым необязательно; выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно (обязанности); производить в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, следственные и иные процессуальные действия (права).

Анализ вышеизложенного дает основание сделать вывод о том, что право на уголовно-процессуальное задержание лица по подозрению в совершении преступления является прерогативой любого сотрудника полиции.

Что касается субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст.301 УК РФ, то поскольку в заключении под стражу участвует целый ряд должностных лиц, то возникает вопрос о том, кто из вышеназванных участников уголовного судопроизводства будет выступать субъектом состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ. Кроме того, диспозиция данной уголовно-правовой нормы звучит как заведомо незаконное заключение под стражу. В этой связи также неясно, какие процессуальные действия охватываются данной формулировкой.

Высказывается мнение, что ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу должны нести следователь, дознаватель, прокурор и

судья⁸⁰.

Однако, как справедливо отмечает...дознатель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор не могут нести ответственность по ч. 2 ст. 301 УК РФ. Субъектом заведомо незаконного заключения под стражу может быть только судья, принявший данное решение⁸¹. Поскольку в ходе предварительного расследования в избрании данной меры пресечения задействован целый ряд участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, то, на наш взгляд, судья может стать субъектом данного состава преступления, если он заведомо незаконно удовлетворит ходатайство о заключении лица под стражу, которое, в свою очередь, также умышленно, вопреки закону было возбуждено следователем, согласовано с руководителем следственного органа и поддержано прокурором в судебном заседании. Следовательно, судья может вступить в преступный сговор с указанными должностными лицами, но может действовать и без сговора, когда обстоятельства, свидетельствующие об очевидном отсутствии оснований для заключения под стражу, становятся ему ясны из исследуемых материалов. Конечно, можно предположить, что при каких-то обстоятельствах судья исключительно сам принимает заведомо незаконное для него решение, когда ему становятся известны факты, однозначно не позволяющие вынести постановление о заключении под стражу, но по какой-то причине не известные следователю, дознавателю и прокурору. Однако предположить

Привлечение судьи к ответственности по ч. 2 ст. 301 УК РФ упрощается, если он в судебном производстве, основываясь на материалах находящегося у него уголовного дела, по собственной инициативе заведомо незаконно заключит подсудимого под стражу (ст. ст. 228, 255 УПК РФ), поскольку в данной ситуации не требуется вынесение органами предварительного расследования соответствующего ходатайства и его согласование.

Вместе с тем в судебном заседании на стадии досудебного производства

---

⁸⁰ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. - Хабаровск, 2001. - С. 38, 39.

⁸¹ Там же. С. 148.

при рассмотрении ходатайств органа предварительного расследования судья не всегда имеет возможность находящимися в его распоряжении процессуальными средствами в ограниченный промежуток времени проверить допустимость и достоверность доказательств, представленных стороной обвинения в обоснование поступившего ходатайства. В этой связи не исключено, что судья примет во внимание аргументы недобросовестного представителя стороны обвинения и удовлетворит ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения, не подозревая, что представленные ему доказательства, например, сфальсифицированы следователем. В таком случае возникает вопрос о том, будет ли судья нести ответственность по ч. 2 ст. 301 УК РФ. Наверное, нет, поскольку в таком деянии отсутствует признак заведомости, предполагающий осознание незаконности принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В науке уголовного процесса идут дискуссии о правовой природе деятельности суда по рассмотрению и разрешению в досудебном производстве ходатайств органов предварительного расследования. Одни считают данное участие суда правосудием, другие судебным контролем⁸². Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства.

В соответствии с ранее действовавшим УПК РСФСР мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась на основании постановления следователя (лица, производящего дознание) с санкции прокурора. В действующем уголовно-процессуальном законе, как указывалось выше, процедура заключения гражданина под стражу иная. В этой связи если деятельность судьи по разрешению ходатайства следователя (дознателя) об аресте считать судебным контролем, то напрашивается вывод о том, что произошла лишь смена одного вида контроля другим, прокурорский надзор замещен контролем суда.

---

⁸² Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: Учеб. пособие. - Омск, 2009. - С. 9.

Нам представляется, что судебное присутствие в досудебном производстве имеет особое значение. В судебном заседании судья не столько реализует определенную процедуру, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, сколько разрешает правовой спор между сторонами обвинения (прокурор) и защиты (обвиняемый) по данному процессуальному вопросу. Здесь судья позиционирует себя именно в качестве арбитра, носителя судебной власти, и в этой связи было бы неправильно уподоблять его некоему чиновнику от суда, заменившему чиновника от прокуратуры.

Данные рассуждения вполне согласуются с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, в соответствии с которой ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу рассматривается в рамках судебного заседания, которое законом признается формой осуществления именно правосудия (п. 50 ст. 5 УПК РФ). О заключении лица под стражу судья выносит постановление, которое по своей правовой природе является не только процессуальным, но и в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ судебным актом.

Поэтому процессуальное решение судьи, поскольку оно вынесено представителем судебной власти, необходимо отличать от процессуальных решений, принятых другими участниками уголовного процесса, например дознавателем, следователем. В качестве дополнительного аргумента также необходимо указать и то, что в уголовном законодательстве заведомо незаконное заключение под стражу отнесено к категории преступлений именно против правосудия.

Приведенные рассуждения позволяют поддержать точку зрения, в соответствии с которой деятельность судьи по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу в досудебном производстве можно считать проявлением правосудия, следовательно, постановление судьи о заключении под стражу можно рассматривать в качестве акта правосудия. В этой связи умышленное противоправное заключение судьей обвиняемого (подозреваемого) под стражу может быть квалифицировано как вынесение судьей заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта,

что предусмотрено ч. 1 ст. 305 УК РФ⁸³.

Таким образом, можно говорить о конкуренции между ч. 2 ст. 302 УК РФ и ч. 1 ст. 305 УК РФ, требующей своего разрешения. В данной ситуации на первый взгляд норма, предусматривающая ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу, носит характер специальной по отношению к статье, регламентирующей ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Во всяком случае, в теории уголовного права такой подход имеет место. Ст. 305 УК РФ, содержащая запрет на вынесение неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, выступает в качестве специального вида должностного злоупотребления (ст. 285 УК РФ), но применительно к ч. 2 ст. 301 УК РФ, в части заведомо незаконного заключения под стражу, она является общей⁸⁴. Данная точка зрения основывается на том, что решающее отличие специальных норм от общих состоит в особенностях преступного поведения⁸⁵. Наверное, с этим можно было бы согласиться, когда заключение под стражу санкционировалось прокурором, являющимся представителем стороны обвинения. Вместе с тем в связи с кардинально изменившимся правовым регулированием порядка избрания данной меры пресечения нельзя не обратить внимание на субъекта преступления, в качестве которого выступает не просто должностное лицо, производящее уголовно-процессуальную деятельность, а субъект, наделенный исключительным правом осуществлять правосудие. На наш взгляд, данное обстоятельство заставляет обратить внимание не на особенность преступного поведения, т.е. принятие заведомо незаконного процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а на участника уголовного судопроизводства, который принимает такое решение, - на судью. В этой связи особенность субъекта состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, как мы полагаем, придает особенность и принимаемому им вышеуказанному процессуальному решению, на что

---

⁸³ Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. - М., 2005. - С. 148.

⁸⁴ Борков В.Н. Заведомо незаконное задержание и заключение под стражу как специальные виды должностного злоупотребления // Уголовный процесс. - 2007. - №6. - С. 54.

⁸⁵ Там же. С. 54.

обращалось внимание выше.

С учетом изложенного полагаем, что в такой ситуации вектор меняет свое направление на противоположное, а именно ч. 1 ст. 305 УК РФ будет выступать специальной нормой по отношению к ч. 2 ст. 301 УК РФ, что косвенно подтверждается и судебной практикой.

Так, Кассационная коллегия Верховного Суда РФ в своем Определении оставила без изменения приговор Верховного Суда РФ, в соответствии с которым заместитель председателя Магаданского городского суда М. был осужден по ч. 1 ст. 305 УК РФ за вынесение определения об изменении меры пресечения с заключения под стражу на подписку о невыезде, не назначив судебного заседания, не известив прокурора, адвоката и подсудимого А. о дате его проведения⁸⁶. Следовательно, если принятие судьей незаконного решения об изменении меры пресечения оценивается судом как вынесение заведомо неправосудного акта, то логично предположить, что и заведомо незаконное решение судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу также необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 305 УК РФ.

Среди ученых высказывается мнение, что в качестве субъекта посягательства, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, могут выступать и другие лица, к примеру, начальник следственного изолятора, а также его помощник либо начальник изолятора временного содержания, следователь, прокурор (если подозреваемый или обвиняемый содержался в следственном изоляторе).

Следует согласиться с мнением К.Л. Чайки, что содержание под стражей является действием, которое определено в уголовно-процессуальном понимании. Заключение под стражу и содержание под стражей регламентируются и с точки зрения содержания, видов необходимых процессуальных действий, а также их субъектов. Поэтому вышеперечисленные лица за незаконное содержание под стражей должны нести ответственности по

---

⁸⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611 по жалобам адвокатов Пимкиной А.В., Акаева Р.А. и потерпевшей П. на приговор Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2002 года // <http://www.consultant.ru/>

ст. ст. 127 и 286 УК РФ.

Что касается прокурора, следователя и дознавателя, то данные лица, в случае вынесения незаконного и необоснованного постановления о возбуждении ходатайства перед судом об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу либо о ее продлении, должны нести ответственности по ст. 285 УК РФ за факт злоупотребления должностными полномочиями. Если же названные лица с целью незаконного заключения под стражу фальсифицируют материалы уголовного дела, то содеянное ими требует дополнительной квалификации по ст. 303 УК РФ за фальсификацию доказательств.

Ю.И. Кулешов предлагает установить отдельно уголовную ответственность за заведомо незаконное возбуждение ходатайства о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей. По мнению автора, ответственность за данное деяние должны нести следователи и лица, производящие дознание⁸⁷. Как нам кажется, такая позиция не совсем оправдана. Дело в том, что окончательный вывод о законности заключения под стражу или продлении срока содержания под стражей делается судом. Соответственно, ответственность в данном случае должен нести судья, который незаконно принял решение о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей. А лицо, которое заведомо незаконно возбудило ходатайство об избрании данной меры пресечения должно нести ответственность по ст. 285 УК РФ.

Однако есть позиция некоторых авторов, которые считают, что необходимо исключить из числа субъектов рассматриваемого преступления судей. По их мнению, в выше рассмотренной ситуации, судья подлежит ответственности по ст. 305 УК РФ.

Да, действительно, в подобной ситуации возникает конкуренция между нормами ст. ст. 301 и 305 УК РФ. Но, как нам кажется, в данном случае ст. 301 УК РФ выступает в качестве специальной нормы по отношению к ст. 305 УК РФ – общей норме. Соответственно, при конкуренции общей и специальной

---

⁸⁷ Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия :Проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дисс. ...докт.юр. наук. - Владивосток, 2007. – С.20.

нормы, предпочтение отдается специальной норме, то есть ст. 301 УК РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что высказывалось предложение об установлении уголовной ответственности за действия, выражающиеся в незаконном избрании и иных мер пресечения, не связанных с лишением свободы — залог личного имущества и подписка о невыезде.

По нашему мнению, данные предложения безосновательны, поскольку при незаконном избрании этих мер пресечения отсутствует общественная опасность как важнейший признак преступления, и это деяние можно расценивать лишь как дисциплинарный проступок.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, выражается виной в форме умысла. При этом умысел может быть только прямым - виновный осознает, что отсутствуют основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или продления срока содержания под стражей, предвидит общественно опасные последствия незаконности своих действий и совершает их.

Так, органами предварительного следствия П. обвинялась в том, что она, исполняя обязанности следователя следственного отдела при ОВД г. Биробиджана, заведомо незаконно задержала Н.

Судом Еврейской автономной области 31 мая 2002 г. П. оправдана по ч. 1 ст. 301 УК РФ за отсутствием в ее действиях состава преступления.

В кассационном протесте государственный обвинитель, не соглашаясь с принятым судом решением, утверждал, что действия П. по задержанию Н. носили заведомо незаконный характер, просил приговор отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение в ином составе судей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 февраля 2003 г. оправдательный приговор оставила без изменения, а кассационный протест прокурора без удовлетворения, указав следующее.

П. возбудила и расследовала уголовное дело по факту кражи имущества из квартиры в г. Биробиджане, которая совершена 17 сентября 2000 г. При проведении оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что одна из похищенных вещей - телевизор «Голдстар», находится у О. 20 апреля 2001 г.

данный телевизор у него изъяли. О. пояснял, что телевизор он купил у Н. осенью 2000 года. 3 мая 2001 г. телевизор был опознан потерпевшей и возвращен ей.

8 мая 2001 г. прокурор г. Биробиджана, ознакомившись с материалами дела, пояснениями П. и оперуполномоченных Ж. и Л. О причастности к данной краже Н., санкционировал производство обыска в его квартире. Однако до 14 мая 2001 г. оперативным работникам не удавалось застать его дома.

14 мая 2001 г. при производстве в квартире Н. в его присутствии обыска оперативные работники похищенных вещей не обнаружили. В 22 час. 20 мин. П. допросила его в качестве подозреваемого. Он отрицал знакомство с О. и факт продажи последнему похищенного телевизора. После этого П. приняла решение задержать Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР. В протоколе задержания она подчеркнула одно из трех оснований задержания, напечатанное типографским шрифтом «...очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление».

Действия П. по задержанию Н. были расценены органами следствия как заведомо незаконные. Этот вывод в обвинительном заключении мотивирован тем, что подчеркнутая П. фраза в протоколе, якобы, не соответствует действительности, поскольку никто из очевидцев прямо не указал на Н. как на лицо, совершившее кражу.

Между тем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что выводы суда о невиновности П. в совершении инкриминируемого ей преступления основаны на доказательствах, полученных в установленном законом порядке, всесторонне, полно и объективно исследованных в судебном заседании и получивших оценку суда в соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ.

В судебном заседании П. виновной себя в заведомо незаконном задержании Н. не признала, пояснила, что от оперуполномоченных Ж. и Л. ей стало известно о причастности Н. к краже. Она возобновила производство по делу, допросила О. и выяснила, что осенью 2000 года Н. принес к нему домой и продал ему телевизор «Голдстар». Этот телевизор был изъят, в дальнейшем

опознан потерпевшей и возвращен ей. Правдивость показаний О. не вызывала сомнений, так как Н. характеризовался как ранее судимый, нигде не работавший, общавшийся с сомнительными людьми. С санкции прокурора в квартире Н. был произведен обыск, но положительных результатов он не дал. Н. же в ходе допроса отрицал свое знакомство с О. и продажу ему телевизора.

С учетом этого она решила задержать Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР, с тем чтобы воспрепятствовать ему помешать установлению истины по делу, рассчитывая провести очную ставку между ним и О. В течение суток оперативные работники не смогли найти О., и она освободила Н.

По словам П., производя задержание Н., она не сомневалась в его причастности к краже, ранее его не знала, неприязни к нему не испытывала.

Ее выводы о причастности Н. к краже основывались на показаниях О., поведении самого Н., который все отрицал, пытаясь этим обеспечить себе алиби, решении прокурора о санкционировании обыска у Н., а также сообщенной ей оперативными работниками информации.

Как видно из показаний оперуполномоченных Ж. и Л., О. сам обратился к ним по поводу продажи ему Н. телевизора и сообщил, что со слов Н. ему известно, что телевизор краденый.

Суд обоснованно признал правдивыми показания свидетелей Ж. и Л. как согласующиеся с показаниями П. и подтверждающиеся рапортом Ж. от 25 апреля 2001 г., в котором он сообщил об изъятии у О. телевизора, похищенного из квартиры в г. Биробиджане.

С учетом изложенного следует признать правильными и выводы суда о неправдивости показаний О., отрицавшего свою осведомленность о приобретении им похищенного телевизора.

При оценке показаний О. судом обоснованно учтено и то, что он в соответствии с законом вправе не свидетельствовать против себя самого.

Н. в судебном заседании пояснил, что он действительно продал О. телевизор, который он взял у Иванова, уехавшего на постоянное жительство в Израиль, и не знает, «ворованный телевизор или нет».

Свидетель И. - начальник следственного управления УВД Еврейской автономной области пояснил, что П. как следователь действовала на основании закона, так как перед задержанием Н. она располагала данными о том, что телевизор, который Н. продал О., похищен - его опознала потерпевшая.

С учетом совокупности приведенных данных следует признать обоснованным решение суда первой инстанции, согласившегося с доводами, изложенными свидетелем И.

Всесторонний анализ и основанная на законе оценка исследованных в судебном заседании доказательств в их совокупности позволили суду прийти к правильному выводу об отсутствии у П. умысла на незаконное задержание Н.

При этом суд обоснованно признал, что П. действовала с учетом своего профессионального опыта, добросовестно полагая, что, задерживая Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР, она поступает в соответствии с законом. Убеждение П. как следователя в причастности Н. к преступлению с учетом конкретных обстоятельств дела при его задержании исключает в ее действиях признак «заведомости» незаконного задержания.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала обоснованным на законе решение суда об отсутствии в действиях П. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ⁸⁸.

Цель и мотивы на оценку содеянного по ст. 301 УК РФ не влияют. Соответственно мотивы здесь могут самые разнообразные – личные (ненависть, ревность), корыстные, мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. При этом, при наличии последнего мотива данное обстоятельство должно учитываться как обстоятельство, отягчающее наказание в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Что же касается корыстного мотива, то подкуп должностного лица, осуществляющего задержание или заключение под стражу, требует

---

⁸⁸ Определение Верховного Суда РФ от 13.02.2003г. №65-о02-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - №1.

дополнительной квалификации по ст. 290 УК РФ или ст.291.2 УК РФ.

Однако данное преступление может быть совершено не только из низменных мотивов. Это может быть и мотив сострадания (например, изоляция мужа, избивающего жену; изоляция наркомана и т.д.) Соответственно, наличие данного мотива, наоборот, может учитываться как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Что касается субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 301 УК РФ, то здесь возникают трудности при определении формы вины по отношению к последствиям в виде тяжких последствий. Дело в том, что законодатель не конкретизирует форму вины по отношению к данным последствиям, в отличие от ряда составов преступлений с двумя формами вины. К примеру, по ч. 4 ст. 111 УК РФ отношение к последствиям в виде смерти может выражаться только в неосторожной форме вины, что напрямую прописано в диспозиции данной нормы.

В этой связи некоторые авторы высказывают точку зрения, что по ч. 3 ст. 301 УК РФ отношение к последствиям может выражаться только в неосторожной форме вины⁸⁹. По нашему мнению, такая точка зрения является ошибочной. Поскольку, как отмечалось ранее, санкция ч. 3 ст. 301 УК РФ предусматривает более строгую санкцию по сравнению со ст. 111, 112, 115 УК РФ, где речь идет о совершении умышленных преступлений, то, соответственно, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 301 УК РФ может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (по отношению к последствиям).

По итогам анализа вопросов, рассмотренных во второй главе магистерской диссертации, необходимо сделать следующие выводы:

Ст. 285 УК РФ «злоупотребление должностных полномочий» - это общая норма по отношению к ст. 301 УК РФ.

Критерий, по которому выделяют эту группу служебных преступлений, -

---

⁸⁹ Спектор Л.А. Незаконное заключение под стражу и содержание под стражей как преступления в сфере осуществления правосудия и судебного разбирательства // Современное право. – 2010. - №2. – С.99.

специальный статус субъекта преступления

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, является «незаконность», то есть выполнение тех действий, которые прописаны в диспозиции ст. 301 УК РФ, в противоречии с требованиями закона.

Преступление, предусмотренное ст. 301 УК РФ, относится к деяниям с формальным составом. Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно-опасного действия, выразившегося:

- по ч. 1 – в фактическом задержании лица;

- по ч. 2 – в подписании судьей (судом) постановления (определения) об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока содержания под стражей.

Уголовно наказуемым является именно факт незаконного задержания или факт незаконного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, но не процессуальные нарушения, связанные с применением задержания (к примеру, нарушение сроков по составлению протокола после фактического задержания) или заключением под стражу

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение диссертационной работы подведём её итоги и сформулируем основные выводы.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – это первый нормативно-правовой акт, в котором устанавливалась уголовная ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы. Данный нормативно-правовой акт достаточно подробно регламентировал вопросы, связанные с ответственностью за незаконное задержание и заключение под стражу.

Ответственность за незаконное задержание и заключение была установлена и в уголовном законодательстве советского периода. При этом, как в УК РСФСР 1922 г., так и в УК РСФСР 1926 г. отдельно не выделялись преступления против правосудия как по УК РФ. Соответственно, незаконное задержание и заключение под стражу являлись разновидностью должностных преступлений. Кроме того, криминообразующим признаком преступления, связанного с заключением под стражу, являлся определенный мотив - «личных или корыстных видов», что существенно сузило круг посягательств, связанных с незаконным заключением под стражу в качестве меры пресечения. Примечательно, что указание на личный или корыстный мотив свойственно современному уголовному законодательству Украины.

Положения УК РСФСР 1960г. в части ответственности за незаконное задержание и заключение под стражу значительно отличались от положений УК РСФСР 1922г. и 1926г. Прежде всего, в УК РСФСР 1960г. в отдельную, восьмую главу, впервые были выделены преступления против правосудия. Соответственно, к данному виду преступлений (ст. 178) было отнесено «заведомо незаконный арест или задержание».

Сравнительно-правовой анализ положений уголовного законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, деяния, связанные с лишением свободы путем незаконного применения мер процессуального принуждения, влекут уголовную ответственность во всех проанализированных выше государствах.

Во-вторых, в уголовном законодательстве большинства стран ближнего зарубежья закреплены аналогичные или во многом схожие со ст. 301 УК РФ нормы.

Так, ст. 371 УК Украины именуется «Заведомо незаконные задержание, привод, арест или содержание под стражей». Данная норма предусматривает более широкий перечень общественно опасных деяний, связанных с нарушениями уголовно-процессуального характера, приводящими к нарушению права гражданина на физическую свободы. Представляется, что расширение ответственности за незаконное задержание и незаконное заключение и содержание под стражей за счет привода вполне оправданно.

Из положений уголовно-процессуального законодательства и разъяснений Генпрокуратуры РФ следует, что фактически законодатель и правоприменитель поставили задержание и привод на одну планку в части характера воздействия, которое осуществляется в отношении задерживаемого лица и лица, подвергаемого приводу.

На основании вышеизложенного предлагаем ч. 1 ст. 301 УК РФ дополнить указанием на привод.

В-третьих, законодательные способы закрепления уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства в уголовном законодательстве стран дальнего зарубежья существенно отличаются от отечественного законодательства:

-в ряде европейских стран ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы регламентируется общими нормами о посягательствах против физической свободы личности (к примеру, в Англии и Польше);

-в некоторых странах (Болгария, Китай) ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы предусмотрена в специальной норме в рамках разделов о преступлениях против личной свободы;

-как и по УК РСФСР 1922г. и 1926г. ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы по УК Голландии, Швейцарии, Швеции наступает по общим нормам о должностных преступлениях;

-в некоторых нормативно-правовых актах ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы может предусмотрена в специальных нормах о посягательстве на свободу личности, особо выделенных среди должностных преступлений (Германия, Дания, Испания, Франция, Япония).

Фактически, последний способ правового закрепления ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы характерен и для уголовного законодательства многих государств, расположенных на постсоветском пространстве, а именно: для Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии. В уголовном праве данных республик заведомо незаконное задержание и заключение под стражу принято рассматривать как специальные виды должностных злоупотреблений в сфере осуществления правосудия, посягающие на свободу личности, которая вовлечена в уголовный процесс.

В уголовном законодательстве Голландии, Дании, Швейцарии, Германии нет специальных норм, которые устанавливают ответственность за анализируемое деяние. Незаконные задержание, заключение под стражу и содержание под стражей в перечисленных государствах влечет ответственность по нормам, в которых закреплен перечень должностных преступлений. Таким образом, основным объектом в этих посягательствах являются общественные отношения в сфере установленного порядка осуществления государственной власти.

Ст. 285 УК РФ «злоупотребление должностных полномочий» - это общая норма по отношению к ст. 301 УК РФ.

Критерий, по которому выделяют эту группу служебных преступлений, - специальный статус субъекта преступления

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, является «незаконность», то есть выполнение

тех действий, которые прописаны в диспозиции ст. 301 УК РФ, в противоречии с требованиями закона.

Преступление, предусмотренное ст. 301 УК РФ, относится к деяниям с формальным составом. Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно-опасного действия, выразившегося:

- по ч. 1 – в фактическом задержании лица;

- по ч. 2 – в подписании судьей (судом) постановления (определения) об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока содержания под стражей.

Уголовно наказуемым является именно факт незаконного задержания или факт незаконного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, но не процессуальные нарушения, связанные с применением задержания (к примеру, нарушение сроков по составлению протокола после фактического задержания) или заключением под стражу.

Тяжкие последствиями, по ч. 3 ст. 301 УК РФ, по нашему мнению, выражаются в самоубийстве или покушении на самоубийство потерпевшего, а также побои, легкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести, тяжкий вред здоровью (причиненный умышленно и по неосторожности), а также причинение смерти по неосторожности.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, должен быть наделен правом на задержание в уголовно-процессуальном порядке.

Субъектом заведомо незаконного заключения под стражу может быть только судья, принявший данное решение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства РФ. - 2014. - №31. - Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - №25. - Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52. - Ч. I. - Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 21.07.1997г. №118-ФЗ «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ. – 1997. - №30. - Ст. 3590.
5. Федеральный закон от 07.02.2011г. №3-ФЗ «О полиции» //Собрание законодательства РФ. – 2011. - №7. - Ст. 900.
6. Письмо Генпрокуратуры РФ от 27.02.2004г. №36-12-2004 «О Методических рекомендациях по организации работы прокуратуры по надзору за исполнением законодательства об административных правонарушениях» // <http://www.consultant.ru/>

2. Специальная и учебная литература

7. Алексеева С. В. Актуальные проблемы законодательной регламентации признаков специального субъекта преступления в Уголовном кодексе РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 86-90.
8. Асликян С.Э. Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей // Науч. тр. филиала МГЮА в г. Кирове. Вып.8. – Киров, 2003. – С.15.
9. Борков В.Н. Заведомо незаконное задержание и заключение под стражу как специальные виды должностного злоупотребления // Уголовный процесс. -

2007. - №6. - С. 54.

10. Булаева Н.С. Незаконное заключение по стражу: правовые и процессуальные аспекты // В сборнике: Актуальные проблемы современного права и политики Сборник научных трудов по материалам Всероссийской студенческой научной конференции . Ответственный редактор Д.В. Ирошников. - 2016. - С. 217-220.

11. Винокуров В. Субъекты правоотношений как способ установления объекта преступления // Уголовное право. – 2010. - №4. – С.50.

12. Владимирский-Буданов М. Ф.. Обзор истории русского права, изд. 6-е. СПб. — Киев, 1909. - С. 13.

13. Гааг И.А. Критерии незаконности заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ) // Социогуманитарный вестник. – 2016. - №1 (16). – С.71-76.

14. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб, 2005. – С.190.

15. Волков К.А. Преступления против личной свободы человека в уголовном праве России и Китая // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - №3. - С. 15-17.

16. Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей : дисс. ... канд. юр. наук. - Грозный, 2007. - 175 с.

17. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. - М.: Издво МГУ, 1967. - С. 110.

18. Жаркой М.Э. Судебная реформа и карательная политика советского государства (1938-1941 гг.) // В сборнике: Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции : В 2-х частях. Составители: Калиновский Константин Борисович; Зашляпин Леонид Александрович. - 2016. - С. 77-86.

19. Зацепина Е.М. Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (уголовно-правовые аспекты). — Екатеринбург, 2005. – С.189.

20. Калиновский К.Б. Правила освобождения из-под стражи подсудимого и осужденного // Уголовный процесс. – 2017. - №3 (147). – С.9.
21. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: Учеб. пособие. - Омск, 2009. - С. 9.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2010. – 989с.
23. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рарога. - М.: ТК Велби, Издво Проспект, 2006. – 777с.
24. Кудрявцев В.Л. Объективная сторона заведомо незаконного задержания (ч. ст. 301 УК РФ): некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2016. - №4 (16). - С. 78-81.
25. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. — Хабаровск, 2001. – 380с.
26. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: Проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дисс. ...докт.юр. наук. - Владивосток, 2007. – 54с.
27. Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. – 2015. - №6. – С.18.
28. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. — Волгоград, 1999. – 415с.
29. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. - М.: Издво МГУ, 2003. – 395с.
30. Северский А.М. Привод как мера обеспечения уголовного производства в УПК Беларуси и УПК Украины // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - №1. С. 172 - 179.

31. Серикбаев А.М. Наказуемость уголовно-процессуального лишения свободы в уголовном праве зарубежных стран // Вестник КРСУ. - 2007. - Том 7. - №10. – С.130.

32. Спектор Л.А. Незаконное заключение под стражу и содержание под стражей как преступления в сфере осуществления правосудия и судебного разбирательства // Современное право. – 2010. - №2. – С.99.

33. Субботина В.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей: дисс. ... канд. юр. наук. – М., 2002. - 158с.

34. Фасхутдинова Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. — Ростов н/Д, 1999. – 38с.

35. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). — Калуга, 2004. – 299с.

36. Хачароев Х.Д. Уголовное законодательство зарубежных государств о преступлениях против правосудия // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2013. - №6. - С. 21 - 24.

37. Хмельников М.С. Ответственность сотрудников органов внутренних дел за «непроцессуальное задержание» // Вестник магистратуры. - 2016. - № 10-2 (61). - С. 104-106.

3. Материалы судебной практики

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. - №4.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002г. №14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате

неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. - №8.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. - №2.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015г. №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. - №2.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. - №2.

44. Определение СК ВС СССР по делу П. - СП ВС СССР. 1945. вып. VIII. С. 14. //Уголовный кодекс РФ с постатейными материалами /под ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 1998. – С.826.

45. Определение УСК ВС СССР по делу П. - СП ВС СССР. 1939. С. 104. //Уголовный кодекс РФ с постатейными материалами /под ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 1998. – С.826.

46. Определение Верховного Суда РФ от 13.02.2003г. №65-о02-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - №1.

47. Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2004 N 44-о04-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - №9.

48. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611 по жалобам адвокатов Пимкиной А.В., Акаева Р.А. и потерпевшей П. на приговор Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2002 года // <http://www.consultant.ru/>

49. Кассационное определение ВС РФ от 10 ноября 2006 года. Дело №44-о06-118 // <http://sudbiblioteka.ru/>

50. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2013 по делу №22-2276/2012г. // <http://www.consultant.ru/>

51. Постановление Амурского областного суда 22 ноября 2010 года // <https://rospravosudie.com/>

4. Интернет-ресурсы

52. <http://www.consultant.ru/>

53. <https://rospravosudie.com/>

54. <http://sudbiblioteka.ru/>